

INSPIRIA

18+

УБИЙЦА СО СЧАСТЛИВЫМ ЛИЦОМ

ДЖЕК ОЛСЕН

INSPIRIA

Джек Олсен
Убийца со счастливым
лицом. История маньяка
Кита Джесперсона
Серия «Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70608733

*Джек Олсен. Убийца со счастливым лицом : история маньяка Кита
Джесперсона: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-203932-4*

Аннотация

«Самая волнующая книга из когда-либо написанных. Не для слабонервных – а для тех, кто готов погрузиться в самые темные глубины человеческой извращенности». – Грегг Олсен, автор мирового бестселлера «Не говори никому. Реальная история сестер, выросших с матерью-убийцей»

ПРИЗНАННЫЙ МАСТЕР ТРУ-КРАЙМА ДЖЕК ОЛСЕН, ОБЛАДАЮЩИЙ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫМ ДОСТУПОМ К СЕРИЙНОМУ УБИЙЦЕ, ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЕЙ В

СОЗНАНИЕ МАНЬЯКА. ЭТО ИСТОРИЯ УБИЙЦЫ, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ.

«Я убил Танью Беннетт... Я забил ее до смерти, изнасиловал ее, и мне понравилось.

Да, я больной, но мне это нравится. Других сажают, а меня – нет. Будьте настороже. Возможно, я ближе, чем вам кажется». – Кит Хантер Джесперсон, Убийца со счастливым лицом

В феврале 1990 года полиция штата Орегон арестовала пару Джона Сосновки и Лаверн Павлинак за изнасилование и убийство 23-летней Тани Беннетт. На суде Лаверн обвинила в убийстве Джона, признавшись в соучастии. Власти закрыли дело. Была только одна проблема: за решетку сели невиновные люди...

Настоящим убийцей Тани и семи других девушек был дальнобойщик Кит Джесперсон. Подбирая жертв на трассах, с каждой он играл в «смертельную игру», в которой душил их, затем несколько раз оживлял, прежде чем убить. В извращенной манере маньяка, жаждущего славы, он начал кампанию за освобождение Сосновки и Павлинак. Джесперсон отправлял в редакции газет насмешливые признания в убийствах, пририсовывая смайлик в конце сообщений – за что получил прозвище «Убийца со счастливым лицом».

Основанная на многочисленных интервью с Джесперсоном и его окружением, дневниках и судебных протоколах, книга «Убийца со счастливым лицом» – это пугающая история становления садиста и маньяка, рассказанная им самим.

«Для своего жанра это просто бомба! Олсен, очевидно, имел полный доступ к Джесперсону, его семье и друзьям... Тру-крайм в самом лучшем его виде». – *Kirkus Review*

Содержание

Пролог	10
1	15
1	15
2	26
3	31
4	37
5	40
6	44
7	48
2	53
1	53
2	61
3	64
4	67
5	76
6	83
7	86
8	90
9	93
10	97
3	100
1	100
2	105

3

110

4

112

Конец ознакомительного фрагмента.

118

Джек Олсен

Убийца со счастливым лицом: история маньяка Кита Джесперсона

Jack Olsen

I: The Creation of a Serial Killer

Copyright @ 2002 by Jack Olsen

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© AP Photo / East News

© Don Ryan / AP Photo / East News

© Troy Wayrynen, The Columbian / AP Photo / East News

© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную,

административную и гражданскую ответственность.

* * *

В этой книге досконально разобран весь процесс становления на путь серийного убийцы. Психологизм дополняется новаторским стилем письма, где автор постарался «влезть» в голову маньяку и рассказать историю его словами – и ему это удалось в высшей степени! По-настоящему захватывающее чтение.

Яна Логинова, редактор

* * *

Для своего жанра это просто сумасшедшая штука! Олсен, очевидно, имел полный доступ к Джесперсону, его семье и друзьям... Тру-крайм в самом лучшем его виде.

Kirkus Review

Эта книга подобна лавине: она начинается мощно и быстро набирает обороты, спускаясь вниз по разрушительному пути серийных убийств. Поистине новаторская вещь.

Мори Терри,

автор бестселлера «Абсолютное зло»

Вероятно, для любого законопослушного гражданина, такого, как автор и большинство его читателей, невозможно понять психопата-убийцу, особенно того, кто стремится не только убивать, но и быть пойманным. Учитывая это, Олсен мастерски раскрывает личность Кита Джесперсона.

Seattle Times / Post Intelligencer

Самая волнующая книга из когда-либо написанных. Не для слабонервных – а для тех, кто готов погрузиться в самые темные глубины человеческой извращенности.

Грегг Олсен,

автор мирового бестселлера «Не говори никому. Реальная история сестер, выросших с матерью-убийцей»

Опытный тру-крайм-писатель Джек Олсен делает в описании психопата шаг дальше, чем обычно: опираясь на интервью и собственные дневники, он подробно раскрывает жизнь Кита Джесперсона, в настоящее время отбывающего пожизненное заключение за убийство восьми женщин в 1990-х годах. Джесперсона называли Убийцей со счастливым лицом за его смайлики на насмешливых письмах, отправленных властям.

Разрываясь между тяжелым сельским детством Джесперсона (отец-алкоголик избивал сына, заставил работать и брал деньги за проживание и питание) и его безумным весельем, когда он выслеживал, насиловал и душил женщин, повествование больше

походит на автобиографию маньяка, чем на полицейское расследование. Ужасные детали изложены с болезненной точностью, а в главах от первого лица Олсен отказывается от роли объективного рассказчика, перенося читателя прямо в сознание сумасшедшего убийцы.

Publishers Weekly

* * *

*Джонатану Роудсу Олсену,
«Лефти», любимому сыну.
Мы всегда умели заставить
друг друга смеяться*

Пролог

Банальное мелкое убийство

В холодный зимний день в Портленде, штат Орегон, Танья Беннетт поцеловала мать на прощание и сказала, что пойдет встретиться с бойфрендом. Она направилась к автобусной остановке с плеером в ушах. В последнее время двадцатитрехлетняя Танья, так и не окончившая школу, слушала Back to Life группы Soul II Soul. На плече у нее висела маленькая черная сумочка.

Танья страдала задержкой психического развития из-за кислородного голодания при родах. Она всегда была трудным ребенком. На уроке труда в Кливлендской старшей школе, когда они учились готовить, она набросилась на одноклассницу из-за куска пирога. Полгода пролежала в государственной больнице, где лечилась от пристрастия к алкоголю и наркотикам. В двадцать один год начала регулярно посещать бары на северо-востоке Портленда: употребляла спиртное, играла в бильярд и ввязывалась в неприятности с парнями. Она была миниатюрная и симпатичная: метр шестьдесят пять, с блестящими темными волосами, светло-кариими глазами и стройной фигуркой. Наивная, импульсивная, она знакомилась с чужаками, бросаясь к ним с объятиями. Не так давно она жаловалась матери, что какой-то мужчина увел

ее из бара В&I, побил и «хотел продать, как проститутку». Она сказала, что боится возвращаться обратно в тот бар. Но ее память всегда была короткой.

22 января 1990 года, на следующее утро после того, как Лоретта Беннетт попрощалась с дочерью, мотоциклист резко затормозил, заметив яркое пятно в овраге близ ущелья Коламбия-ривер, в десяти милях к востоку от Портленда. От воды поднимались клочья тумана, заслоняя Виста-Хаус – башню с обзорной площадкой и местную достопримечательность.

Внизу, под насыпью двухрядной дороги, среди зелени дикого винограда, заманихи, ядовитого плюща и ежевики, лежало тело молоденькой девушки лицом вверх. Голова была направлена от дороги, а одна рука завернута назад. Джинсы и трусы были спущены до щиколоток, бюстгальтер задран над грудью. Шею обвивала нейлоновая веревка. Ширинка на джинсах была отрезана – на ее месте осталось овальное отверстие. Лицо девушки выглядело так, будто по нему били молотком.

Тело оставалось неопознанным восемь дней, пока Лоретта Беннетт не увидела полицейский набросок в вечерних новостях и не прибежала в морг. Детективы были поражены жестокостью убийства. Казалось маловероятным, что случайный знакомый мог с такой яростью наброситься на другое человеческое существо, даже в пылу изнасилования.

Следователи предположили, что имеют дело с глубоко личным актом мести или возмездия.

Две недели спустя у полиции появилась первая зацепка. Тринадцатого февраля детектив Алан Корсон из полиции штата Орегон опросил Кэрол Коупленд, барменшу из В&I, которая работала накануне того дня, когда нашли тело. Корсон сообщал:

Мисс Коупленд заявляет, что в тот день Танья Беннетт пришла в бар В&I около часа дня. Она утверждает, что Танья была одна; мисс Коупленд заметила, что она была вся мокрая, как будто шла до бара под дождем. Ей показалось, что Танья была в хорошем настроении, она купила пива в баре и заплатила мелочью...

Мисс Коупленд заявляет, что Танья начала общаться с другими посетителями бара. Она заговорила с двумя мужчинами, которые играли в бильярд. По ее словам, Танья продолжала разговаривать с ними и играть в бильярд, после чего около 16–16:30 подошла к стойке и спросила Кэрол, не хочет ли та пойти с ней на дискотеку, когда закончит работу в 17:00...

Кэрол заявляет, что сказала Танье никуда не ходить с двумя мужчинами, потому что Танья их не знает и это небезопасно. Танья ответила, что с ней все будет в порядке, и вернулась к мужчинам, игравшим в бильярд.

Вечерняя барменша описала одного из игроков как муж-

чину около тридцати лет, ростом около метра восьмидесяти, с короткими светлыми волосами. Второй тоже был блондин, но ниже ростом. Она запомнила, что они заказали кувшин пива. Около 20:00 она заметила, что мужчины и Танья Беннетт ушли.

Прошло еще две недели, и полиция объявила, что нашла убийц. Но ими оказались не игроки в бильярд, а парочка завсегдатаев местных баров, Джон Сосновски и Лаверн Павлинак. Пятидесятисемилетняя, дважды побывавшая замужем бабушка нескольких внуков, сотрудница государственной больницы, в подробностях рассказала об убийстве, в котором обвиняла тридцатидевятилетнего Сосновски, работавшего на лесопилке и находившегося на условно-досрочном освобождении за несколько мелких преступлений. Седовласая Павлинак сообщила полиции, что ее любовник познакомился с Таньей Беннетт в баре и привез ее в овраг возле ущелья Коламбия-ривер, где она держала у девушки на шее петлю, пока Сосновски насиловал ее и убивал. Полная солидная дама предъявила отрезанную ширинку от джинсов «Левайс» и указала полиции точное место, где они с любовником выбросили труп.

Джон Сосновски свою вину отрицал, но провалил два теста на детекторе лжи. После того как ему предъявили обвинение в убийстве, он пытался свалить вину на приятеля-алкоголика, который оказался невиновен. Полиция нашла у

Сосновски записку, где было нацарапано: «Т. Беннетт: Лакомый кусочек». Каштановые волосы Сосновски соответствовали тем, что были найдены в ладони у трупа.

Дело о банальном мелком убийстве было закрыто.

1

Кит Хантер Джесперсон – 1

1

Кровавое убийство

Обычно преступник утверждает, что в момент совершения преступления был расстроен и зол. Чаще всего его состояние можно охарактеризовать как комбинацию гнева, раздражения, неудовлетворенности и подавленности, а правонарушению, как правило, предшествуют неприятные события, зачастую, хотя и не всегда, с участием значимой женщины из его жизни.

*Э. Николас Грос, Х. Джин Бернбаум,
«Мужчины, которые насилуют»*

Был один из тех дней, которые всегда навевают на меня тоску, – ветреный, серый и тоскливый. Я с самого утра был в плохом настроении. Все в моей жизни полетело кувырком. Я подумал: *Не могу я сидеть в этом уютном старом доме больше ни минуты. Мне надо выйти.* Я устал и был сердит. Изнасилование и убийство были последним, о чем я мог подумать.

Слоняться без дела для меня было нелегко. Я привык работать. Вся моя семья была такой – работа, работа и снова работа. Но у меня накопилось слишком много штрафов, чтобы вернуться на работу дальнобойщиком, по крайней мере в ближайшее время. Я получал пособие по безработице и половину отправлял бывшей жене. Что означало, по сути, безденежье. И скуку.

Рождество меня совсем разорило. Я продал последние пожитки, чтобы купить подарки моим детям. Уступил мой восемнадцатискоростной «Твин Вояджер» за триста пятьдесят баксов – половину настоящей цены. Проводил графитовую удочку, «Гарсия 5000», и с ней поплавки, леску, наживки, которые собирал с тех пор, как был ребенком. Все продал, чтобы подсобрать денег к Рождеству.

Я жил в маленьком домике на ранчо моей девушки в Портленде, близ шоссе 84. Бросил жену и детей ради этой Пегги Джонс (псевдоним), а теперь она, мелкая сучка, снова вышла на трассу и уехала с другим дальнобойщиком. Пять дней спустя после Рождества отправилась на стоянку грузовиков и начала крутить там хвостом. Домой в ту ночь не вернулась и не позвонила – ничего нового, такова Пег.

Сразу после Нового года телефон зазвонил и оператор сказала: «Звонок за счет вызываемого абонента, Киту Джесперсону». Это была Пегги: она, мол, в Ноксвилле с новым приятелем. И велит мне убираться вон из ее дома. «Съезжай! А если останешься, будь добр платить мне аренду». Она ве-

лела выслать ей деньги, обозвала говнюком и бросила трубку.

Мне ужасно захотелось кого-нибудь ударить, хотя вообще мне это не свойственно. Я присел на крыльцо и тут увидел бродячую кошку. Я заманил ее в дом и загнал в угол, откуда она не могла выбраться. Потом я ее задушил. Терпеть не могу кошек – тут я в отца. Я убивал их еще с пяти или шести лет. Какое-то время это даже было моей работой. Убить кошку для меня – раз плюнуть. Зато помогло сбросить напряжение.

С людьми я никогда не был жестоким, но и тряпкой меня было не назвать. Спустя несколько дней после того, как Пегсбежала с другим дальнобойщиком, я пошел на рынок Альбертсон подработать – грузил там тридцатикилограммовые мешки. Восемь парней, постоянных грузчиков, погнались за мной с клюшками и бейсбольными битами. Я схватил первого и сломал ему руку его же битой. Второму перебил ногу. Они бросились бежать, как олени в лесу. Когда твой рост два метра, ты вешишь сто десять килограммов и неплохо боксируешь, ты сам по себе – смертельное оружие.

Пегги всегда хотела, чтобы я изображал строгого папашу с ее детьми. Я отказывался. Она лупила их, но я ни одного ребенка ни разу пальцем не тронул, и ни одну женщину тоже. Я никогда не бил своих детей, никогда не поднимал руки на бывшую жену или других женщин. Однажды я так разозлился на жену, что пробил кулаком дверь, но на нее даже

не замахнулся.

Без моей девушки мне было одиноко, и я мечтал, чтобы она вернулась. Она доставляла уйму проблем, но у нас был отличный секс. Без нее мое общение сводилось к походам за кофе и болтовней с другими водителями на стоянках грузовиков в окрестностях Портленда. В остальное время я смотрел телевизор, гулял без всякой цели или играл в барах в бильярд. Обычно я задерживался там допоздна, лишь бы не уходить домой. Мне не нравился жуткий домишко Пег, и я пользовался любым предлогом, чтобы подольше в него не возвращаться.

В середине января она снова позвонила и сказала, что приняла твердое решение остаться с новым парнем, а между ней и мной все кончено. Я одновременно рассердился и расстроился. Теперь моей единственной компанией были призраки, обитавшие у Пег в доме. У них в семье говорили, что это двое парней, которые повесились там то ли пятьдесят, то ли шестьдесят лет назад. Клянусь, я чувствовал, как они витают в воздухе. Так вот идешь по коридору, и по тебе проскользывает что-то – а ты не видишь. По ночам они кружились надо мной и Пегги в кровати. Тени на стенах появлялись откуда ни возмись, а потом пропадали. Иногда призраки стонали, и выли, и стучали в стены. Мы привыкли не обращать на них внимания. А что еще делать?

В то отвратное утро 21 января 1990 года я вышел из дому всего с парой баксов, чтобы не потратить лишнего. Как обычно, я просто убивал время и подумать не мог, что кончу убийством человека.

Я решил сыграть в бильярд. В местных барах так заведено, что платят проигравшие, а победитель – нет, поэтому обычно я играл бесплатно. Особенно я был хорош в девятке. Мне удавались и резаные, и дуплеты, и винты, и массэ – разные хитрые удары. Наверное, я мог бы играть профессионально.

Часа в два я добрел до бара V&I с одним или двумя баксами в кармане. Бар ничем не отличался от дюжины других таких же в Грешеме. Старая забегаловка в рабочем квартале с простыми деревянными домами, кафешками и винными магазинами да парой продуктовых лавок. Там воняло выхлопными газами от грузовиков, проезжавших по Бернсайд и другим шоссе. Портленд называют «городом роз», но в этой части города розами точно не пахло.

Три стола были свободны, так что я взял кий, сделал ставку и разбил пирамиду. Подошел к бару заказать себе черного кофе – я следил за весом. А когда развернулся, увидел одну девчонку, которая как раз начала играть с двумя блондинистыми парнями. Она была ростом чуть пониже метра семидесяти, с темными волосами до плеч, худенькая – сильно походила на мою бывшую жену Роуз, только симпатичнее. Лицо у нее было круглое, со счастливой улыбкой во весь рот,

будто ей на все плевать.

Когда она заметила, что я на нее пялюсь, то подбежала и сразу обняла. Барменша покрутила пальцем возле уха и сказала:

– Ты почему его обнимаешь? Вы с ним незнакомы. Он тебе никто.

Потом она мне объяснила, что эта девчонка умственно отсталая и шляется со всякими бездельниками по барам и бильярдным. Она очень милая и добродушная, но с головой у нее не все в порядке.

Я сам сделал пару ударов, и девушка предложила мне перейти к ней и к парням. Сказала, ее зовут Танья. Я был бы не против сыграть с ними по-дружески, но увидел, что столик у них пустой. Значит, они искали, кто купит им пива. Я плюнул и пошел домой.

Дома я час-другой посмотрел телевизор, но мне было ужасно одиноко и тоскливо. Я все вспоминал, как та девушка обняла меня, а барменша сказала, что у нее не все дома. Фантазия у меня разыгралась.

Я сел в двухдверную «Нова-74», которую мне одолжили, и поехал обратно в В&I, размышляя: *Кажется, я ей по-настоящему понравился! Дурочка она или нет, но такое бывает нечасто.* Приехал в бар я уже на взводе.

Когда я заходил, она выходила. Я пошел за ней на парковку. Я подумал: *Если смогу посадить ее к себе в машину, то*

постараюсь затащить домой и заняться с ней сексом. Если будет сопротивляться, то даже силой. Четыре или пять лет назад я пытался силой взять девчонку у себя в грузовике, но она убежала. После этого я больше не пробовал. Но теперь захотел опять. Вся моя жизнь пошла под откос, и я был в полном дерьме. Что мне было терять?

Я подошел к девушке и сказал:

– Привет. Как поживаешь? Помнишь меня? Я сегодня днем был в баре – и ты меня обняла.

Она улыбнулась и ответила:

– Ну да, я тебя помню. Что ты хочешь?

Я сказал:

– Я собирался пойти куда-нибудь поесть. Может, поужинаем вместе, а потом еще поиграем в пул?

Кажется, она именно это и хотела услышать.

– Конечно, здорово, – ответила она.

Я проводил ее к своей машине, и она села внутрь. Я открыл кошелек, чтобы показать, что у меня нет с собой денег, но сказал, что есть двадцатка дома, в тумбочке.

– Отсюда всего шесть кварталов. Может, заедешь со мной на пару минут?

Она кивнула.

Я припарковался на подъездной дорожке возле старенького «Форда Пинто» Пегги. Сказал ей:

– Хочешь, давай зайдем вместе. Я загляну в ванную, надо бы побриться.

– Ладно, давай, – согласилась она. – Я оставлю плеер и сумку в машине.

Я и правда думал свозить ее поужинать, в основном потому, что надеялся: если я ее угощу, она точно уступит. Но мне надо было осуществить свою фантазию. Я все еще думал про то, что сделал с кошкой.

Я подвел Таню к входной двери. Она спросила, кто хозяин «Пинто», и я сказал, что мой сосед – он сейчас уехал на своем грузовике на восток, но вернется через несколько недель. Я запер за нами двери и пошел в спальню обдумать следующий шаг. В голове у меня все кружилось. Я думал о том, чтобы оставить ее себе как секс-рабыню. Хотел полного обладания – никакого ухода и уговоров. Думал поддержать ее несколько недель, а потом избавиться. Я читал, что Тед Банди долго держал у себя своих женщин, прежде чем убить. Они знали, что их ждет.

Девушка увидела Иисуса Христа на стене и сказала:

– Хорошая картинка. А почему у тебя матрас на полу?

Я ответил:

– Я здесь сплю и смотрю телик. Мне так удобнее.

Я был поражен тем, как она доверилась полному незнакомцу. Может, еще и потому, что была немного пьяна. Я понял, что она в моей власти.

Я подошел к ней сзади и поцеловал в шею. Она бросилась к выходу. Я схватил ее и сказал:

– Значит, секса не будет?

Она не ответила, и я повалил ее на матрас и поцеловал. Занавески были задернуты, а окна и двери закрыты. Она оказалась в ловушке.

Она вывернулась и снова побежала к двери. Меня удивило, какая она сильная. Я потащил ее назад на матрас. Я чувствовал, как она дрожит у меня в руках. Но когда я уже подумал, что она совсем перепугалась, она поцеловала меня и попросила поторопиться.

– Поцелуй меня еще, – ответил я, – по-настоящему.

Тогда она поняла, что я здесь распоряжаюсь, и уступила. Я стащил с нее джинсы и стал гладить вниз. Снял с нее футболку, сдвинул лифчик повыше и пощупал грудь.

Мы еще поцеловались, и она впустила меня внутрь. Я кончил за пару движений. Мне не хотелось прекращать; я остался внутри и подождал, а потом начал снова, медленно и неторопливо.

В конце концов она устала ждать меня. Она же не знала, что я уже кончил. Она фыркнула, начала ворчать.

– Я ничего не чувствую. Давай ты скорей кончишь, и мы поедем ужинать. Хватит поцелуев. Я не люблю тебя, парень. Поехали! Я проголодалась.

Это было для меня как красная тряпка. Я вспомнил другие ночи с другими женщинами. *Трах-бах, большое спасибо, Кит.* Все женщины используют мужчин. Добиваются своего с помощью секса. Никакой романтики. Они дают тебе, но не потому, что любят тебя.

Я снова кончил и потом, пока мой член еще был у нее внутри, посмотрел на нее и подумал: *Теперь, когда я получил свое, она ждет оплаты по полной.* Ну нет, я не потрачу на нее ни цента! Не буду я больше потакать этим эгоистичным потаскухам. Я поглядел ей в лицо и, могу поклясться, увидел свою бывшую жену.

Я решил вырубить ее одним ударом. Очнется – а она связана и не может пошевелиться. Тогда я буду заниматься с ней сексом сколько захочу. Развлекусь на полную, а потом буду решать, что делать с ней дальше. Об убийстве я тогда еще не думал.

Я изо всех сил ударил ее кулаком в висок. Она так и смотрела на меня. Я ударил еще раз, но сознания она не потеряла. Я ничего не понимал. Когда я был боксером, то вырубал парней одним панчем в перчатках двенадцать унций.

Я бил ее опять и опять, но она не вырубалась. Я подумал: *Почему в сериалах по телику показывают по-другому?* Чем сильнее я ее бил, тем больше мне хотелось ударить снова. Это было как с кошкой, только лучше. За свои тридцать четыре года я не ударил ни одной женщины, а эту ударил аж двенадцать раз – справа, слева, джебы, апперкоты, хуки. Я бил ее до тех пор, пока не перестал узнавать ее лицо, но и на этом не остановился. Это было потрясающе. Мне казалось, я отвечаю всем женщинам в моей жизни, всем привидениям в моем доме, всем моим неприятностям. Призраки могут убираться – больше никаких шорохов по ночам, от которых

я просыпался. Теперь они знают, на что я способен.

Я перестал бить и посмотрел вниз. Ее лицо превратилось в сплошное месиво – сломанный нос, сломанная челюсть, выбитые зубы торчат из губы. Но она была в сознании! Цеплялась за простыни и стонала: «Мамочка! Мамочка! Пусть он прекратит! Скажи, чтобы прекратил, мамочка!» Ее глаза были залиты кровью. Она хотела вцепиться в меня, но поймала только воздух.

В этот момент мне стало немного стыдно за то, что я сделал. Я понимал, что она умрет, если ничего не предпринять. *Что я хочу: оставить ее в таком состоянии на несколько дней? Или лучше прекратить ее мучения?* Я не мог отвезти ее в госпиталь, потому что точно угодил бы в тюрьму.

Надо было избавить ее от страданий.

Я душил ее с такой силой, что костяшки у меня побелели, но каждый раз, когда я разжимал пальцы, она хватала воздухом. Так продолжалось четыре или пять минут. *Почему она не умирает?* Это выматывало. Мне казалось, я теряю контроль. Я хотел сделать одну, самую простую вещь и не мог – история всей моей жизни.

Я сжал ее шею изо всех сил. Она описала пол и перестала шевелиться. Я прошел на кухню, налил себе кружку кофе и присел, чтобы подумать, что делать дальше: парень, который ни разу не поднимал руку на женщину, и вот пожалуйста – сижу над мертвым телом.

Призраки

Допив свой кофе, я одел ее. На стенах и на полу была кровь. Я и не представлял, сколько крови может вытечь из тела миниатюрной девушки. Свет упал на металлические пуговицы ее джинсов, и я подумал, что на них могли остаться отпечатки пальцев. Ножом для стейка я отрезал ширинку и выбросил ее в камин.

Я выстирал и высушил свою одежду, а потом снова ее надел. Я хотел быть уверен, что она больше не очнется, поэтому сходил в гараж за нейлоновой веревкой и крепко стянул ее вокруг шеи Таньи. Один из призраков подкрался ко мне, и я крикнул: «Теперь у вас будет компания, ублюдки!» Я посидел возле Таньи еще немного, отчасти наслаждаясь своей властью над ней, отчасти надеясь вернуть ее к жизни. Но очень скоро я понял, что мне надо избавиться от тела и обеспечить себе алиби – либо я рискую попасть в большие неприятности. Я не был преступником, но я смотрел «Перри Мейсона»¹ каждое утро и знал, как важно иметь хорошее алиби. Я сказал Танье «до свидания» и поехал в бар V&I, чтобы начать подготовительную работу.

¹ «Перри Мейсон» – американский драматический детективный телесериал 1957–1966 годов. (Прим. ред.)

Я выпил «Бад Светлый» и поболтал с барменшей и другими посетителями. Около половины десятого я вышел – проследив за тем, чтобы все видели, что я ухожу один. Потом я проехал десять миль до Виста-Хаус, туристической достопримечательности с видом на ущелье Коламбия-ривер. Я обнаружил множество отличных мест, чтобы спрятать труп.

К этому моменту я начал мыслить яснее. По пути домой я сказал себе: *Не сделай дурацких ошибок, когда будешь выбрасывать ее. Убедись, что у тебя достаточно бензина. Смотри, чтобы тебя не вырвало.* У меня всегда был чувствительный желудок. Меня рвало при виде грязных подгузников.

На заправке А.М./Р.М. я залил полный бак и проверил фары. Не хватало только, чтобы полицейский остановил меня за перегоревшую лампочку и обнаружил в багажнике мертвую девушку.

Возле дома я задом сдал к дверям, чтобы перекрыть соседям обзор – так они не могли увидеть, что я грузу в салон труп. Я отключил свет на крыльце, чтобы он не зажегся от движения. Я был как во сне, слегка одурманенный. Я зашел внутрь взглянуть еще раз. Неужели это происходит на самом деле?

Девушка лежала там, где я ее оставил, – на матрасе. Я все еще не верил в то, что произошло. Я сказал себе: *Зачем? Ну зачем? Посмотри, что ты натворил!*

Я решил, что просто хотел узнать, каково будет убить кого-то, и проверить, смогу ли это сделать. Моя девушка Пегги хотела, чтобы я убил ее бывшего мужа, а я сказал, что не смогу. Теперь, возможно, у меня получится и она вернется ко мне.

Зазвонил телефон. У меня подскочило сердце. Кто звонит в полночь?

Это была Пег. Я спросил:

– Где ты?

– На востоке, – сказала она. – Еду в сторону дома.

Какое облегчение! На секунду я подумал, что она в городе и сейчас приедет домой. Сердце у меня забилося спокойнее.

Она сказала:

– Тут ничего не получилось.

Пег попросила меня выслать денег, чтобы она могла вернуться домой. Сказала, что ненавидит парня, с которым поехала, потому что он не позволяет ей вести грузовик, пока сам спит. К тому же он пытается залезть на нее на каждой остановке. И вообще, он «шовинист и ублюдок».

Я знал, что это и есть реальная причина, по которой она решила вернуться ко мне. Наконец-то она поняла, что такое дальние перевозки, – трудная, напряженная и ответственная работа. Рядом больше не было хорошего парня Кита, который терпел ее, прикрывал ее ошибки и позволял ей большую часть времени дремать в спальном мешке. Она сказала, что шофер, с которым она едет, подсчитывает, сколько на самом

деле она сделала миль, и никогда не получается больше трехсот в день. Ниже нормы. Но она всегда была ленивой, даже когда ездила со мной. Водить грузовики – работа не для худосочных дурочек, которые своей задницы от локтя не могут отличить.

Я говорил с ней по телефону, а сам смотрел на труп на матрасе. Я сказал:

– Теперь призраки боятся меня. Они знают, что я злей их самих.

– О чем ты? – удивилась она. – Они все еще тебе досаждают?

– Нет! Они ко мне больше не суются и вряд ли сунутся. Теперь уже нет.

Она пропустила это мимо ушей и повторила, что едет домой. Пообещала позвонить еще раз, когда будет ближе. Сказала, что любит меня, и я ответил, что тоже ее люблю. Я не был уверен, что это правда, но мне нравилась наша сексуальная жизнь – это уж точно. В постели Пегги была олимпийской чемпионкой.

От нашей короткой беседы у меня опять встал. Может, попробовать с трупом? Я пощупал кожу мертвой девушки. Ее груди были липкими, и мне стало неприятно. В конце концов я ограничился мастурбацией, чтобы прочистить мозги. Многие годы после этого воспоминания о ее мертвом теле будили у меня мечты и фантазии, и я часто мастурбировал, представляя себе Таню. Она стала моей любимой фантази-

ей.

3

Слово мертвецу

Я посмотрел на часы. Перевалило за полночь – пора избавиться от трупа. Я погасил весь свет и убедился, что горизонт чист. Она уже закованела, и я обвязал веревку вокруг ее шеи, чтобы тело было легче тащить. Я выволок ее из передней двери за ноги, затолкал на пассажирское сиденье «Новой», перевалил через порог ее ноги и осторожно прикрыл дверцу, чтобы избежать громкого щелчка.

Ее голова прислонялась к окну, но с этим я ничего не мог поделать. Со стороны казалось, что она пьяна. Я захватил с собой сменную пару обуви, чтобы надеть после того, как выброшу труп. У моих велосипедных туфель «Кэнон-дейл трипл-Е» была плоская рифленая подошва с характерным узором, который легко можно было опознать. Я понимал, что буду скучать по ним – обычно я проезжал на велосипеде по семьдесят-восемьдесят километров в день.

Я запер маленький коричневый домик и поехал обратно в сторону Краун-Поинт, следя за тем, чтобы не превышать скорость и не пересекать разделительную полосу. Виста-Хаус на зиму закрывали, но пять или шесть машин все равно стояли на парковке. Я обратился к мертвой девушке, с которой мы искали место ее последнего упокоения.

– Где ты будешь сегодня спать, дорогуша? В том кювете?

Или в этой канаве? В тех кустах?

Я проехал пару километров от Виста-Хаус по прямому отрезку дороги. Очень скоро в свете моих фар показался овраг. Я схватил ее за руку, вытащил из машины и поволок вниз по насыпи. Склон был крутой, и я постоянно застревал в кустах. Примерно в двадцати метрах от дороги я отпустил ее и сказал:

– Ну вот мы и пришли. Твой дом!

Ее голова была направлена вниз по холму, а одна рука загибалась назад.

Надо было прикрыть ее листьями, но я заметил наверху свет и побежал к своей машине, чтобы скорее уехать. Карабкаясь вверх по склону, я увидел над собой огромную костлявую руку, освещенную луной. Я запаниковал, но потом понял, что это силуэт высохшего дерева.

Я быстро поехал прочь. На первом же крутом повороте мои фары выхватили из темноты джип шерифа округа Малт-нома. Я посмотрел в зеркало заднего вида, не остановится ли он, но он даже не притормозил.

Я разозлился на себя за то, что бросил тело так близко к дороге, но было уже слишком поздно. Я выбросил велотуфли в заросли за поворотом. Плеер Тэньи оставил на проезжей части на мосту через Сэнди-ривер, чтобы его раздавили машины и грузовики. Потом по 84-му шоссе доехал до стоянки дальнобойщиков «Бернс Бразерс» в Траутдейле, где я любил отдыхать, когда водил грузовики.

Я только-только заказал кофе, когда трое патрульных вошли и направились напрямик к моему столику. Я подумал: *Эти парни знают. Они знают!* А ее сумочка у меня в машине!

Они заняли соседний столик, и я узнал нескольких по своим былым денькам на дороге. После того как мое сердце слегка успокоилось, я завел с ними беседу, чтобы подкрепить свое алиби. Один из них спросил, вожу ли я по-прежнему грузовики, и я сказал, что сейчас у меня перерыв между рейсами. Мы немного поболтали, и они ушли.

Я оставался на стоянке до восьми утра, стараясь, чтобы как можно больше людей увидели меня и поговорили со мной. Потом я проехал три мили по Сэнди-ривер-роуд, вытащил из сумочки девушки два доллара и забросил ее в заросли ежевики, считая, что ее никто никогда там не найдет. Это был умный ход. Она пролежала там пять лет и в конце концов здорово выручила двоих придурков.

Вернувшись домой, я открыл окна, чтобы избавиться от запаха смерти. Сцарапал засохшие брызги крови со стен, постирал простыни и одеяла, пропылесосил пол и почистил ковры специальным средством. Впоследствии я еще дважды их дезодорировал и мыл пароочистителем.

Я попытался стереть пятна крови с потолка, после чего

решил покрасить его латексной краской, как только кровь полностью высохнет. У полицейских есть спрей, который заставляет кровь светиться под флуоресцентной лампой, как фары у машины. Я видел по телевизору. Я постановил обязательно покрасить потолок до возвращения Пегги.

Позднее днем я уехал из дома и приценился к подержанным машинам, чтобы поддержать свое алиби. Разве убийца пойдет на следующий день выбирать машину?

Я пытался забыть подробности того, что произошло, убедить себя, что это сделал кто-то другой. Только так я и смог продержаться следующие несколько дней. Ее лицо все время стояло у меня перед глазами. Что за зверь мог превратить лицо ни в чем не повинной молодой девушки в кровавую кашу? Я решил покончить с собой. Но потом подумал: *Нет, я этого не сделаю. Я не могу покрыть позором имя Джесперсонов. Моим детям будет стыдно. А отец разозлится на меня.*

Несколько дней спустя, поутру, посмотрев «Перри Мейсона», я пошел в супермаркет за газетой. Я прочитал, что байкер нашел тело женщины в ущелье Коламбия-ривер. В статье говорилось, что копы разыскивают двух мужчин ростом около метра восьмидесяти, которые играли с жертвой в бильярд в баре. Было большим облегчением узнать, что никто меня не ищет.

Я решил выбросить мысли о самоубийстве из головы. Но не мог избавиться от чувства, что все вокруг знают, что я убийца, — даже люди, проходящие мимо меня по улицам. С самого детства я вечно чувствовал себя виноватым то в одном, то в другом.

Я подумал об убийстве и об оправданиях для себя. Я был зол и расстроен. Я сорвался. Та девушка вывела меня из себя, когда попыталась отказать мне. Она подцепила меня, чтобы я заплатил за ее ужин. Да и в любом случае она была просто уличной шлюхой.

В конце концов мне пришлось смириться с правдой. Убийство произрастало прямиком из моих фантазий. Это могла быть любая другая женщина. В те последние минуты на матрасе, брошенном на пол, ничто не смогло бы меня остановить.

Я подумал о том, что мог бы оставить ее в живых на неделю или две, чтобы полностью ею насладиться. Я мастурбировал, вспоминая ощущение от прикосновений к ее коже. Мой пенис по-прежнему чувствовал, как это было. Это был единственный секс, который оставался доступен для меня в тот момент.

Прошел месяц, и я прочел в газетах, что арестованы двое подозреваемых. *Что?* Как они могут быть виновны в убийстве, которое совершил я? Я решил, что полицейские арестовали двоих блондинов, которые пили пиво в B&I, и выби-

ли из них признание. Меня немного тревожило, что других арестовали за мое преступление, но одновременно я понимал, как мне повезло. Пока я держусь подальше от В&I, полицейским нет до меня дела. Я совершил убийство и остался безнаказанным.

Дальше странная ситуация стала еще более странной. Подозреваемыми оказалась пара любителей ночной жизни, мужчина и женщина. Сведения в газете были скудными, но выглядело так, что женщина призналась и выдала своего любовника. Она указала полиции то самое место, где я выбросил труп, – возле Виста-Хаус. У меня ум за разум заходил в попытках разобраться, как такое могло произойти. Это было даже почище наших привидений.

Несколько дней спустя я прочел, что окружной прокурор предъявил той парочке обвинение в убийстве. Это больше не была моя проблема.

Мистер мамочка

Пегги вернулась домой с двумя своими детьми. Только этого мне не хватало – нового дома, полного детей. Она пообещала, что они будут хорошо себя вести. Ну конечно! Она лупила их почему зря и от меня ожидала того же. Но я не мог. Как можно бить ребенка, которому едва исполнилось пять лет? Любого ребенка вообще?

Она немного посидела дома, а потом устроилась на работу официанткой. Теперь я заделался мистером мамочкой: сметал пыль, драил сортир и присматривал за детишками. Я сильно переживал, когда водил детей Пегги в кино, в то время как мои собственные в Спокане были лишены отцовского внимания.

Мы снова начали ссориться. Дошло до того, что я пользовался в доме задней дверью, а она передней. Мы практически не встречались – только в постели. Секс у нас по-прежнему был прекрасный, но в остальном все было кончено. Призраки будили меня среди ночи с руками на ее горле. Я понимал, что мне понравилось убивать, и был не против нового убийства. Конечно, это было безумие.

Мне надо было убираться из Портленда и из этого дома, пока ситуация не вышла из-под контроля. Я *уже* сошел с ума. Стал уродом. Мне снились кошмары, в которых я уби-

вал невинную девушку, и я просыпался с криком, ощущая стыд и вину, а пару минут спустя фантазировал о том, как делаю это снова.

В марте, спустя два месяца после убийства, я поехал на юг по шоссе I-5 в Сакраменто, где устроился на работу на строительстве. На подъезде к Рог-ривер в Орегоне я задумался о том, чтобы красть женщин для секса и, возможно, снова убивать. Я пытался выбросить эти мысли из головы, но они все время возвращались. Я вспомнил мою давнишнюю подругу Нэнси Флауэрс, которая жила поблизости от шоссе в домике в лесу. Я познакомился с ней на стоянке на 161-м километре в Орегоне, и мы провели вместе несколько ночей. Ей было сорок четыре – на девять лет больше, чем мне. Она прекрасно выглядела, была в разводе и много встречалась с мужчинами. Она фотографировалась обнаженной, и журналы покупали ее фото. Но я имел ее бесплатно. Она показала мне, где хранит свою коллекцию снимков и наличные.

Сидя за рулем, я прокручивал в голове разные варианты. Возможно, она меня и не впустит. С другой стороны, какая разница? Если она начнет сопротивляться, я могу ее скрутить и сделать то же, что с Таньей. Потом я заберу ее деньги. В любом случае я сильно зол на этот мир. Я пытался мыслить ясно, но не мог. Я начинал бояться человека, в которого превратился.

Чем ближе я подъезжал к ее дому, тем тверже становился

мой пенис. Я подумывал взять ее себе в рабыни на несколько дней. Приближаясь к ее двери, я ощущал ее присутствие. Я чувствовал ее мягкость, как будто она уже меня обнимала.

Я постучал, но никто не ответил. Я нашел запасной ключ под камнем, где она его прятала, и вошел.

Дом был пуст. Я почувствовал странноватый запах – как будто в подполе сдохла крыса. Я по-прежнему ощущал присутствие женщины. Что здесь могло произойти?

Я проехал до небольшого супермаркета на перекрестке и спросил, где можно найти Нэнси. Мне сказали, что ее бывший муж и еще один байкер нанесли ей визит. Один изнасиловал ее, а второй забил до смерти кочергой. Она умерла в собственной гостиной. Несколько недель спустя насильник проболтался, и один из приятелей донес на него. Они были в тюрьме – ждали суда.

Направляясь на юг, я думал: *Вот так совпадение. Я мог убить Нэнси сам, оказись она дома. Вокруг меня все умирают. Я повсюду сею смерть. Как это произошло? Какого черта – я убил Танью Беннетт и остался безнаказанным! Я могу убить кого угодно. Решаю только я.* Эта мысль тяготила меня.

Кормящая мать

Я выехал из Рог-ривер по шоссе I-5 и остановился на стоянке дальнобойщиков Пир Три в Фениксе, Орегон, чтобы посмотреть, нет ли там девушек, ищущих попутчиков. Как ни странно, никого не оказалось.

Я поехал в торговый район в Шасте, Калифорния, и купил себе сельдерея и арахисового масла на ужин. Это было все, что я мог себе позволить, к тому же я снова следил за весом. Мне не хотелось располнеть. Я всегда считал себя привлекательным парнем размера XXL в очках. У меня были голубые глаза и каштановые волосы, как у Джеймса Дина, и я зачесывал их назад, как Элвис. Я ходил, выпятив грудь и выпрямив спину. Носил ковбойские сапоги, чтобы добавить себе несколько дюймов роста. У меня никогда не было проблем с тем, чтобы привлечь женское внимание, но стоило перестараться, и они сбегали.

В торговом центре в Шасте я попытался решить, хочу ли поспать в машине или предпочитаю номер в дешевом мотеле. Умственно отсталая девушка не шла у меня из головы, и я нуждался в уединении. Пока я размышлял, мимо прошла симпатичная женщина. Младенец сосал ее грудь, а она сама прикладывалась к бутылке «Джека Дэниелса». Она сказала: — Чего уставился? Это совершенно естественно.

Она подошла на несколько шагов ближе, чтобы я мог лучше видеть ее грудь, и присела на заборчик. Я заметил, что она пьяна. Женщина сказала, что ее зовут Джин (псевдоним) и ее ребенку полгода. Я сказал, что я Кит Хантер Джесперсон и еду на временную работу в «Копенгаген Ютилитиз» в Сакраменто. Она сказала, что сильно поссорилась с мужем. Мы еще немного поболтали, она допила свой виски и попросила меня проводить ее в «Джиффи Март», купить пива.

Я донес упаковку из двенадцати банок до моей машины, мы сели на переднее сиденье и продолжили болтать о проблемах. Потом она попросила отъехать с ней за город, в одно симпатичное место, где уединялись парочки. Она дала мне поддержать ребенка, спустила джинсы и пописала прямо возле открытой дверцы машины. Мне не верилось, что женщина может так сделать. Когда она встала, я протянул ей ребенка и сделал то же самое. Она подала мне идею.

Наш разговор естественным образом переключился на секс. Она утверждала, что отсасывает лучше всех в округе Шаста. Она была сексуальная, привлекательная, ростом где-то метр шестьдесят пять, весом шестьдесят килограммов или около того, с приятной фигурой. Пока она говорила, я расстегнул штаны и вытащил его. Я играл с ним в темноте в надежде, что она наклонится ко мне.

Она положила ребенка на заднее сиденье и наклонилась к моим коленям. Я схватил ее за волосы и толкнул лицом вниз – я уже сильно распалился.

Я готов был кончить, когда с заднего сиденья раздался плач и она отстранилась. Женщина сказала:

– Сама не знаю, что я здесь делаю. Я замужем, и мне все это не нужно. Отвези меня домой.

Вот прямо так!

Я нагнул ее обратно к моему члену, изо всех сил. Когда у мужчины стояк, он теряет голову. Стоило ее губам дотронуться до него, как я кончил ей в лицо.

Она начала кричать на меня, поэтому я схватил ее в полицейский захват. Я хотел сломать ей шею, но не хватало рычага. Нужно сильно давить, чтобы сломать шею человеку.

Я попытался трижды, пока ребенок на заднем сиденье опять не заплакал, и тогда она закричала:

– Не тронь моего малыша!

Я осознал, что, если убью Джин, мне придется убить и ребенка тоже. Я никогда не смог бы убить дитя, и я сразу пришел в чувство. Я вышел из машины, сделал несколько глубоких вдохов и досчитал до двадцати. Все мысли об убийстве сразу пропали.

Джин схватила своего ребенка и бегом бросилась в сторону города. Когда она пробежала с сотню метров, я подъехал к ней и сказал:

– Садись назад в машину. Я отвезу тебя, куда скажешь. Слишком холодно идти пешком. Это плохо для ребенка.

Когда она села, я сказал:

– Извини. Сам не знаю, что на меня нашло.

Я высадил ее в том же месте, где подобрал. Это была моя большая ошибка. Мне следовало ее убить.

Продолжая двигаться на юг, я свернул на площадку для отдыха, чтобы поразмыслить о том, что я только что сделал. Я отпустил жертву, которая могла засадить меня в тюрьму. Она знала мое имя. Но если она пойдет к копам, у них будет ее слово против моего. Я решил, что мне не о чем волноваться. Если бы я бросил ее на холоде, все бы выглядело по-другому. Но я доставил их с ребенком обратно, так что моя история звучит убедительно. Если бы я собирался ее убить, с какой стати стал бы подвозить потом?

В наручниках

Я выбросил остатки пива и поехал на стоянку дальнобойщиков в Корнинге. Когда я подъезжал, то заметил копа, тащившегося на мою машину. Бицепсы у него были как у бодибилдера.

Я припарковался и попросил у девушки за стойкой ключи от душевой. Я уже шел обратно к машине, когда копы окружили меня, наставив пистолеты, и велели лечь лицом вниз.

– В чем дело? – спросил я.

На меня надели наручники и зачитали права. Они сказали, что меня разыскивают в Шасте за нападение.

Меня подняли с земли и спросили, как все было. Я рассказал про «Джек Дэниелс» и про то, как Джин попросила меня купить пиво, а потом пописала у меня на глазах и похвалялась своим отсосом. Я сказал:

– Не понимаю, в чем проблема. Я зажал ей шею рукой, но я не пытался причинить ей боль. Все равно в машине слишком тесно. Я ничего не мог ей сделать.

Я все валил на нее. Я сказал, что она разозлилась, когда я кончил ей в рот. Сказал, что она вырывалась из моей хватки, сильно дернула шею и разозлилась еще больше. Рассказал про плакавшего ребенка и как она попросила отвезти ее обратно домой. Я сказал, что подбросил ее до города и что я

ни в чем не виноват – просто не стоило связываться с полупьяной замужней женщиной.

Полицейские спросили:

– Почему же она заявляет, что вы напали на нее?

Я сказал:

– Может, ей надо как-то объяснить, почему она так поздно вернулась с ребенком. Может, она думала, что муж ее пожалеет. Не требуйте от меня объяснять женские причуды.

Два наших рассказа в целом совпадали и расходились только в том моменте, когда я пытался сломать ей шею. Но моя история выглядела более убедительной, чем ее. Я сказал:

– Если я собирался напасть на эту женщину, зачем я назвал свое имя и рассказал, кем работаю и куда еду? Мне только хотелось немного отдохнуть, а потом ехать дальше. Она сама позвала меня прокатиться. Разве я нашел бы ту площадку сам?

Они сняли с меня наручники, и я почувствовал, что они склоняются на мою сторону.

– Эй, – сказал я, – если бы у вас был шанс заняться случайным сексом, разве вы бы им не воспользовались?

Один из полицейских сказал:

– Ладно, мы тебе верим, но тебе надо в Шасту, побеседовать с детективом.

Они сфотографировали меня, сняли отпечатки пальцев и велели ехать в полицию Шасты. Потом отвезли меня назад до моей машины и оставили там.

Я добрался до Шасты и явился прямиком в департамент шерифа. Меня прижали к стене, как бандита, заковали в наручники и стали допрашивать. Я снова рассказал свою историю и предложил подкрепить ее доказательствами.

Мы сели в джип, и они отвезли меня к торговому центру, где я познакомился с Джин. Я показал следы моих шин на гравии, показал пустую бутылку из-под виски возле заборчика, где она сидела. Сказал, что у меня сохранился чек на пиво, и кассир подтвердил, что я его покупал. Я сказал полицейским, что еду работать на стройку в Сакраменто. Я не преступник и не сексуальный маньяк.

По возвращении в офис шерифа с меня сняли наручники и велели поддерживать связь на случай, если от меня еще что-то понадобится. На прощание один из полицейских мне напомнил:

– Будь поосторожней и смотри, с кем связываешься.

Отъезжая, я вел спор сам с собой. У меня всегда было две стороны – хороший парень и демон. Демон вылезает наружу, когда я пьян. Я сам его боюсь. Он нарушает закон просто из принципа. Это он пытался убить Джин.

Еще я понял, что надо было позволить демону убить ее, чтобы она меня не выдала. Но НЕТ! Когда хороший парень увидел, как она идет по дороге с ребенком, сердце у него растаяло и он подвез ее до города. *Дурак!* В тот момент это было просто приставание, даже не сексуальное нападение, как

она сказала полицейским. На этом все должно было закончиться. Я плохо представлял себе предательскую суть женской натуры.

Обратно к Пег

Я проработал на стройке в Сакраменто пару месяцев, но паранойя не утихала. Каждый день я ожидал, что меня арестуют за нападение. Я продолжал надеяться, что в Шасте с меня снимут обвинения. Может, у шлюхи Джин есть правонарушения. Может, она уже проделывала такие штуки с другими парнями.

Чтобы сэкономить, я спал в машине и принимал душ на работе. Я много пил. Тосковал о том, что потерял, – мою жену Роуз, моих детей, Пегги, работу, грузовики, которые разбил, вообще свою жизнь. Я стал закрытым и депрессивным.

Я начал проводить много времени в баре «Синч» в Сакраменто. Иногда играл с местными в бильярд, даже вступил в команду, но мое сердце было далеко. Познакомился с девушкой в автоматической прачечной и встречался с ней несколько раз, пока не узнал, что она просто хотела воспользоваться моей машиной. Такие паразитки слетаются на меня как мухи.

Мне было трудно скрывать свои чувства. Я сидел в баре и таращился на кувшин с водой. Симпатичная пожилая пара несколько недель наблюдала за мной, и в конце концов женщина сказала:

– Кто-то очень обидел вас в прошлом.

– Почему вы так говорите? – спросил я.
– Это написано у вас на лице.

* * *

Через несколько месяцев я поехал на север, на новую работу. По пути я свернул на стоянку грузовиков, которую мы называли «Чулком», но там было тихо. Я проехал через Вашугал, штат Вашингтон, чтобы навестить моего старого приятеля Билли Смита (псевдоним) и вернуть машину, которую он мне одолжил. Я купил себе пикап «Шевроле» 1969 года и покатил на следующую временную работу в Астории, в устье Коламбия-ривер. Работа закончилась через две недели, и я решил вернуться в Портленд. Я гадал: *Есть ли у Пегги новый бойфренд? Захочет ли она снова сойтись?*

Я проехал мимо ее маленького коричневого домика. Она была на лужайке с двумя ее детьми – никаких признаков нового мужчины. Она отлично выглядела, и я понял, что скучал по ней – не только по ее телу. Мне надоели всякие потаскухи и прилипалы. Моя хорошая сторона хотела остепениться и опять зажить нормальной семейной жизнью. Но плохая сторона просто хотела секса. Я решал членом, а не головой.

Я припарковался чуть поодаль на улице. Пегги глянула в мою сторону и вся задрожала. Она сказала:

– Заходи, Кит! Нам надо поговорить.

Казалось, она вот-вот заплачет.

В комнате, где я до смерти забил Танью Беннетт, Пегги с детьми сели напротив меня. Она все еще дрожала.

– Какого черта ты уехал? – спросила она.

Мы поговорили о своих недопониманиях и о нашей жизни, поговорили откровенно. Я спросил, не хочет ли она попытаться снова, и она сказала «да».

Когда дети легли спать, мы обнаружили, что наши тела истосковались друг по другу. На следующее утро мне казалось, что я никуда и не уезжал.

В октябре 1990-го, спустя девять месяцев после Тани, я получил плохие новости о моем десятилетнем сыне Джейсоне. Он жил в 650 километрах от меня с моей бывшей женой и нашими двумя дочками. Джейсон въехал в дерево, и у него было тяжелое сотрясение мозга.

Я сразу бросился в Спокан. Пока я ухаживал за сыном, я понял, что, как бы ни складывалась моя жизнь, я должен быть рядом со своими детьми. Они были моим настоящим миром. Они любили меня, и я их любил.

Поэтому, находясь в Спокане, я обратился в местную компанию, занимавшуюся грузоперевозками, и подал заявление на работу. Мне устроили тест, и он показал, что я вожу фуры, будто специально для этого рожден.

Пегги с детьми переехали из Портленда ко мне. Она на-

няла няню, чтобы снова ездить со мной. Раньше во время рейсов мы занимались сексом два-три раза в день. Я помнил, как это было здорово, но я совсем забыл, какой из Пегги отвратительный напарник.

В первые несколько месяцев мы ездили более-менее нормально, хотя я и делал девяносто процентов маршрута. Мой демон немного поутих. Я все еще подумывал о том, чтобы брать женщин в рабыни, но не так часто, как раньше. Живя в Спокане, я проводил много времени с моими детьми.

Но моя жизнь никогда не бывала спокойной подолгу. Пегги начала выводить меня из себя, и я снова стал фантазировать. Она по-прежнему была хороша в постели, но Пегги всегда трахалась лучше, чем водила грузовик. Она под любым предлогом увиливала от вождения. Говорила:

– О боже, Кит! Ты посмотри, какой снег! Ты же не заставишь меня садиться за руль в таких условиях?

Она водила только на прямых участках или на пологих холмах. Предполагалось, что мы – одна команда, но фура была бортовая, а она даже бортов поднять не могла. Загрузкой и погрузкой занимался я один. Компания не возражала – мы делали по тысяче километров в неделю, – но я был без сил. Меня раздражало, что Пегги приписывает себе мои заслуги за вождение. Слишком много людей приписывали себе мои заслуги с самого детства, и я был сыт этим по горло.

В январе 1991-го мы были в Портленде между рейсами, когда я услышал по телевизору сумасшедшую новость. Па-

ра, которую обвиняли в убийстве, которое я совершил, получила приговор! В репортаже показали видео, где женщина подводила полицейских к месту, где я выбросил тело. Я подумал о призраках. Может, они стояли за этим? Это было похоже на «Сумеречную зону»².

Я по-прежнему испытывал облегчение, что за меня расплачиваются другие, но в то же время меня это сердило – самое трудное, что я когда-либо сделал в жизни, а все внимание получают какие-то самозванцы. Я так и остался Человеком-невидимкой.

Перед самым процессом женщина изменила показания и заявила, что она невиновна, но присяжные все равно признали ее виновной. Ее любовник не стал рисковать и заключил сделку. Оба получили от пятнадцати лет до пожизненного – за *мое* убийство.

Я пытался разобраться в ситуации. Кто-то из нас точно сошел с ума – или они, или я. Или вся система правосудия. Мы не могли все трое убить ту девушку. А может, было две Таньи Беннетт? Или те двое убили кого-то еще и выбросили тело в том же месте. А вдруг их подставили полицейские?

Мне надо было срочно выкинуть все это из головы. Я и без того был достаточно сумасшедшим.

² «Сумеречная зона» (англ. The Twilight Zone) – американский телевизионный сериал 1959 года в жанре научной фантастики. (Прим. ред.)

2

Жизнь убийцы – 1

1

Как маленький ад

– Мы всегда знали, что он другой, – признает отец Кита Джесперсона, – но никогда не думали, что он будет убивать.

Старик сидит в удобном кресле за рулем дорогого дома на колесах, вдыхает кислород через трубку и ласково поглаживает своего йоркширского терьера, стараясь вспомнить, принял ли он паксил³. А еще рассуждает о проблемах, которые так и не смог решить.

– Оглядываясь назад на жизнь Кита, зная, что он натворил, – говорит Лесли Сэмюель Джесперсон с легким провинциальным акцентом, – я задаюсь вопросом, что подтолкнуло его к таким странным действиям. Он считает, это я виноват. Говорит: «Пап, ты и твой ремень сделали меня убийцей». Это чушь собачья, и он это знает. Он получил превосходное воспитание. Был нормальным мальчуганом, славным добродушным малышом.

³ Антидепрессант. (Прим. ред.)

В своем роскошном трейлере за восемьдесят две тысячи долларов, припаркованном посреди яблоневых садов, принадлежащих его родственнику, в Якиме, штат Вашингтон, отец показывает любимую фотографию сына: тот сидит за пианино.

– Совсем кроха. Только посмотрите на эти золотые кудряшки. Он играл пьеску со своим братом, Брюсом, и мы все были очень горды. Пока ему не обстригли волосы, все нам говорили, что это самая симпатичная девчушка, какую они видели в жизни. Из всех моих детей он был единственным, кого всем хотелось любить, всем хотелось обнимать.

Дрожащим голосом отец зачитывает стихотворение, которое написал про Кита:

Кажется, только вчера
Я катал тебя на спине,
Качал тебя на коленях,
Покупал именинный торт.

Вечером укладывал спать,
И ты обнимал своего Дюка.
Мама приходила обнять тебя,
И вместе нам было прекрасно.

Кит Хантер Джесперсон, пожизненно запертый в тюрьме, усмехнулся, когда позднее ему повторили отцовские слова.

– Свою собаку я правда обнимал каждый день, – сказал

он, – но никогда не обнимал ни отца, ни мать. И они не обнимали ни меня, ни моих братьев и сестер. Я никогда не размышлял об этом. Просто так было заведено. В нашей семье никто не обнимался, кроме меня и Дюка.

Три десятилетия спустя после смерти питомца он все еще оплакивает своего шоколадного лабрадора.

– Дюк был моим самым близким другом четырнадцать лет. Когда отец пристрелил его, ему следовало пристрелить и меня.

Джесперсон-старший был сильным мужчиной из рода сильных мужчин, северян, нечувствительных к низким температурам, штормовым ветрам и бурям. А также к пустому желудку. В 1930-х отец Лесли, кузнец, эмигрировал на восток из дождливой Британской Колумбии в выжженные прерии Саскачевана. Через несколько лет голод, разразившийся после пыльных бурь – в Канаде они получили название «Грязные тридцатые», – вынудил его вернуться назад. Это было страшное поражение для Артура Джесперсона, и остаток жизни он пребывал в мрачном настроении. Джесперсоны, потомки суровых датских воинов, не привыкли проигрывать в сражениях или сдаваться. Они не всегда добивались своих целей, но продолжали стараться – порой до самой смерти. Когда одного из братьев Артура положили в психиатрическую лечебницу, он решил покончить с собой. Не имея под рукой никаких других средств, он забил себе в го-

лову девятисантиметровый гвоздь.

Продолжая посапывать кислородной трубкой, Лес Дже-сперсон рассказывал о своем детстве в Канаде – смеси Дик-кенса и Данте:

– Никто не работал так много, как мой отец и мы, шесте-ро детей. Мы ковали железо, подковывали лошадей, делали плотницкий инструмент – все, для чего нужны наковальня, молот и мышцы. С детского сада мы работали вместе с от-цом, когда не были в школе. У нас было два горна и две нако-вальни, огромные молоты то и дело взлетали над раскален-ным докрасна железом. Я бил кувалдой, а мой отец работал молотками, клещами и другими инструментами, изготавли-вая зажимы и крючья.

– После нескольких часов безостановочной работы я ва-лился на телегу, но очень скоро отец снова раздувал мехи, железо раскалялось, и отовсюду пыхали огонь и дым. Немно-го похоже на ад, да? Что ж, так оно и было. Тебе не предо-ставляли выбора – работай и помалкивай. К моменту, когда я уехал из дома, я выжимал сто десять килограмм, как мой отец. Если мы с братьями не слушались, он бил нас ремнем для правки опасной бритвы. Там даже протерлось пятно. От-цовский ремень был чертовски хорошим воспитателем.

Сын Лесли Кит, сидящий в тюрьме, запомнил деда как грозного старика, молча сидевшего в углу гостиной над дос-

кой для криббеджа – любимой настольной игры всей семьи.

– Отец моего отца был суровым парнем – ему *пришлось* стать таким, чтобы выжить. У него был холодный ум бизнесмена. Он никогда особенно не разговаривал с нами, детьми, и никогда не выказывал своих эмоций. С женщинами обращался так, будто они занимают слишком много пространства. И отца моего вырастил таким же.

Одна из родственниц утверждала, что после того, как старый Арт Джесперсон потерпел неудачу в прериях, он всю жизнь думал только о деньгах и омрачал существование всем в доме. Она говорила:

– Арт не мог смириться с тем фактом, что ему приходилось стрелять сусликов, чтобы у семьи было на столе мясо. Это довело его до пьянства, изуродовало его личность. С «Грязных тридцатых» до самой смерти он все рассматривал с точки зрения денег. На семейных сборищах Джесперсоны говорили только о деньгах. Постоянно вели подсчеты. Даже трагедию Кита они рассматривали с позиции денег. Все, мол, только и хотят обогатиться за счет этих бедных убитых женщин.

Лес Джесперсон, отец убийцы, ушел из школы в десятом классе; он подрабатывал кузнецом, сантехником, сварщиком и сигнальщиком в лагере лесорубов. Он выучил азбуку Морзе, знал высшую математику, электронику, гидравлику и механику, промышленный дизайн и основы производства. В

эпидемию он делал гробы для индейских племен. Придумал и построил машину для волочения бревен, дробилку для сосновой коры, новую насадку на комбайн для сборки сена, автоматическую бетономешалку, устройство под названием «наполнитель Джесперсона» и другие полезные вещи. Оживил выращивание хмеля в регионе, придумав пружинный анкер, крепивший натянутые струны на каркасе, по которому вьются побеги, а потом разработал станок, делавший такие анкеры со скоростью шестьсот штук в минуту. На вершине процветания, прежде чем он продал патент, его завод выпускал тонны анкеро́в. Затем он изобрел жнейку, которая удвоила скорость сбора урожая хмеля. Его пригласили заняться усовершенствованием процесса переработки яблок, и он придумал сложнейшее новое оборудование, которое решило проблему.

Одним из хобби талантливого самоучки было коллекционирование обрезков металла, из которых он делал произведения искусства – сейчас некоторые из них выставлены в музее в Саскачеване. Он сам научился играть на пианино и на аккордеоне и исполнял музыку в стиле Лоренса Велка на деревенских танцах. Он резал по дереву, писал маслом, рисовал, придумывал шутки, фотографировал, изобретал, сочинял музыку и стихи, в том числе и забавные, обращенные к жене:

Бывают розы красные,

Бывают розы белые,
А ты скажи, что мы с тобой
Обычно ночью делаем.

И трогательные советы детишкам:

И пускай все говорят,
Сердце сильное у нас,
Сердце слабым может быть,
Его надобно хранить.

В любом обществе он чувствовал себя в своей тарелке, привлекал внимание своим юмором, шутками, остротами и кипучим темпераментом. Старые друзья вспоминали, что он был ростом почти два метра, хотя на самом деле его рост не превышал метра восьмидесяти. Он говорил с провинциальным акцентом, как добрый терпеливый дедушка, но ближайшие родственники знали, что за этим стоит подавленная неудовлетворенность и гнев.

Казалось, всю жизнь у Леса Джесперсона был избыток энергии. В двадцать восемь лет он победил на выборах и стал самым молодым олдерменом в Чилливаке, Британская Колумбия, – городе с сорокатысячным населением через границу от Вашингтона. Он считался чуть ли не единственным представителем городских властей, способным усмирять членов русской религиозной секты духовборцев. Когда они голые въезжали на конях в город, все кричали: «Зовите

Леса!»

В тридцать лет он стал главным по плотинам на реке Фрейзер. Начинал несколько бизнесов, переходя от одного к другому, как только ему становилось скучно. Основал Боксерский клуб Чилливака и Чилливакскую службу поиска и спасения. Иногда он задумывался, не слишком ли распывается и не страдает ли от этого его семья: «Не проходило и дня, чтобы про меня не написали в “Чилливак Прогресс” – по тому или иному поводу. Наверное, от всего этого внимания Кит малость ревновал, потому и пошел по кривой дорожке».

Жизнь Леса Джесперсона в качестве мужа и отца четко делится на два этапа. Начиная с женитьбы в двадцать лет и до сорока семи он сильно пил, менял работы одну за другой и обращался с семьей как тиран.

На втором этапе, приближаясь к старости, он изменил свое поведение. «Я бросил пить, когда понял, что бываю пьян уже к десяти часам утра. Я не обращался в “Анонимные алкоголики”. Я бросил сам». В трезвой жизни он заинтересовался семьей и увлекся написанием стихов. Но к этому моменту все его дети, кроме младшей дочери Джилл, уже выросли и уехали из дома.

Поверженный идол

...В последнее десятилетие были получены данные, подтверждающие, что генетические факторы, связанные с алкоголизмом у биологических отцов, имеют значительное влияние на поведенческое и интеллектуальное развитие их детей.

*Робин Карп-Морс и Меридит С. Уайли,
«Призраки из детской: в поисках корней насилия»*

Подрастая, маленький Кит видел в отце образец для подражания, гения, обладавшего таким влиянием и авторитетом, что никто в семье не осмеливался бросить ему вызов. Позднее, обсуждая их отношения, Кит постоянно делал паузы, чтобы собраться с мыслями, боролся со слезами, вздыхал и лишь изредка улыбался или смеялся.

– Я люблю моего отца и одновременно ненавижу. Он такой... как это сказать... идеальный. Отец хорош *абсолютно* во всем. Ему хватает пары минут, чтобы завести друзей. Иногда он изображает из себя всезнайку, но, возможно, он и *правда* все знает!

– Пока мы росли, он практически не уделял нам, детям, внимания. Он работал, потом ел, потом напивался и засыпал. Он был уже пьян, когда приходило время читать нам

на ночь или проверять домашние задания. Зато он заставлял нас работать. Воскресенье было для нас рабочим днем. Если мы хоть на десять минут задерживались в постели, то получали ремня.

— Ему нравилось ставить нас на место своим сарказмом и остротами, но в то же время он нами гордился. Он говорил: «Ты Джесперсон. Веди себя соответственно». Я унаследовал его едкое чувство юмора. Когда я был маленьким, я спросил у него, как проверить, что наш электрический забор действительно под током. Он сказал: «А ты пописай на него». Меня ударило током по яйцам. Он стоял надо мной и хохотал, а потом бросил мне: «Считай это уроком». Моей сестре Шерон он разрешил потрогать электрический забор, когда она была совсем маленькой. Над ней он тоже посмеялся.

— Где-то глубоко внутри отец никогда не уважал детей. У него не было ни снисходительности, ни понимания. Он сердился, что мы не знаем того, чему нас не учили. Он поставил себя на пьедестал, рассчитывая на поклонение и восхищение, и был так занят собой, что пропустил в жизни все остальное. Он никогда не приходил на наши школьные выступления. Это не было прибыльно — не приносило ему наличных. А он только так и судил обо всем. Мать всегда мечтала съездить на Гавайи и на Аляску, но он ее не свозил. Отец делал только то, что *сам* хотел.

Одна за другой у него возникали серьезные проблемы со

здоровьем: рак простаты, гипогликемия, травмы после автомобильных аварий, депрессия, алкоголизм. Он сломал три ребра при кашле и бросил курить, когда доктор предсказал, что он умрет от рака легких или пневмонии в течение полугода.

Никто не помнил, чтобы он когда-нибудь брал выходной – будь он пьян или трезв, – за исключением редких выездов с детьми и регулярных летних визитов в семейный лагерь в Блэкуотере, Британская Колумбия. Он мало интересовался религией и не позволил жене записать детей в воскресную школу. Его решения всегда были окончательными и бесповоротными. На женщин он смотрел сверху вниз и передал это отношение своим сыновьям. Кит говорил, что его отец частенько ворчал: «Я живу с вашей матерью только потому, что она хорошо готовит».

3

Отцовская рабыня

По словам детей, мастерство кулинарки было далеко не единственным достоинством Глэдис Беллами Джесперсон. Семейство Беллами, английского происхождения, жило на продуваемых всеми ветрами равнинах Альберты, в городе Гранд-Прери. Отец Глэдис, Рой, державший молочную ферму, разорился в тех же «Грязных тридцатых», что подкосили кузнеца Арта Джесперсона. Джесперсоны познакомились с Беллами после того, как Рой Беллами продал своих коров и открыл бильярдную в Чилливаке, Британская Колумбия. В отличие от нерелигиозного Леса Джесперсона, Рой Беллами и его жена Марджори были набожными протестантами и убежденными трезвенниками. Когда приятель принес им в подарок на Рождество бутылку спиртного, его выставили вон.

Со временем Беллами сделали своим любимчиком внука Кита, будущего убийцу.

– Лесли всегда предпочитал Брюса и Брэда, – объяснила как-то Марджори Беллами. – Наша дочь Глэдис больше любила Джилл и Шэрон. Мне стало как-то жалко Кита, потому что он остался в стороне.

Глэдис Беллами Джесперсон выросла в пуританской се-

мье, где малейшее упоминание о сексе и сексуальности было табу. Ее выгоняли из сарая, когда бык оплодотворял корову и когда животные рожали. Никто в семье, включая ее мужа, никогда не видел Глэдис раздетой.

– Она сама так решила, – говорил Лес о жене много лет спустя. – Родители приучили ее стесняться своего тела. Я ни разу не видел, чтобы Беллами трогали один другого.

Кит и четверо его братьев запомнили свою мать как рабочую лошадку и безупречную домохозяйку, удерживавшую семью вместе.

– Отец занимался только тем, что зарабатывал деньги, – вспоминала их дочь Джилл. – Все остальное делала мама.

Глэдис Беллами Джесперсон была крупной, не особенно красивой женщиной ростом под сто восемьдесят сантиметров, с густыми каштановыми волосами, которые унаследовал от нее сын Кит. Решительная и полная достоинства, она пыталась защищать детей от отцовских дисциплинарных мер – с переменным успехом. Она всегда держала дистанцию между собой и всеми остальными, даже членами семьи. Когда Лес летом вывозил семью в лагерь, Глэдис рада была остаться дома одна. Киту она запомнилась сидящей на диване – в стеклах ее очков отражался экран телевизора, а в руках блестящие вязальные спицы. Ему казалось, он понимает, почему мать остается дома.

– Она была для отца как рабыня. Она испытывала облег-

чение, когда он уезжал. Могла вздохнуть свободно.

Глэдис была аккуратна и в домашнем хозяйстве, и по отношению к себе и родным. Она сама шила детям одежду, включая брюки и пиджаки. Когда с годами она прибавила в весе, то разработала себе новый гардероб, скрывающий полноту. Она вязала «индейские свитера» для всех членов семьи. Трепетно относилась к своему внешнему виду и держала дверь спальни накрепко закрытой после того, как химиотерапия вынудила ее носить парик. Но вязанье не бросила. К тому времени ее дети уже выросли.

«Ну что опять?»

Если посмотреть на опасного жестокого преступника в начале его процесса развития, а не в самом конце, можно увидеть, довольно неожиданно, что этот опасный жестокий преступник начинал как относительно добродушное человеческое существо, к которому испытываешь скорее симпатию, чем антипатию.
Ричард Родс, «Почему они убивают: Открытия знаменитого криминолога»

Кит считался самым медлительным из детей Джесперсонов, «копушей», как описывала его сестра. Он родился 6 апреля 1955 года, и его самым ранним воспоминанием было, как он спускает камень с горки на детской площадке. Камень ударил его младшего брата Брэда по голове, выступила кровь, и тот заплакал. Сестра Шерон взяла вину на себя – не в последний раз.

К двумя годам Кит умел пользоваться туалетом, был послушным, тихим, но легко отвлекался. «Он ни на чем не мог сосредоточиться надолго», – вспоминала родственница. Его частенько ругали за медлительность, но ему, казалось, было все равно.

Позднее его отец начал снимать на камеру их семейные

выезды за город. Маленький Кит всегда плелся в десятке метров позади остальных, разглядывая деревья над собой и подволакивая ноги. При каждом выезде он обязательно терялся, и его приходилось искать. В семье постоянно звучала фраза: «А где Кит?» Второй фразой, приходившей на ум при упоминании Кита, было «Ну что опять?». Он был неспортивным, медленно бегал, не любил командные виды спорта и настольные игры – за исключением криббеджа. Переставлять колышки на доске для криббеджа он научился раньше, чем читать.

Дети Джесперсонов росли в загородной атмосфере: сначала в Чилливаке, Британская Колумбия, а позднее в четырехстах километрах к югу в Селе, Вашингтон, – городке с десяти тысячным населением, представлявшем собой огромный яблоневый сад. Никто не мог вспомнить времени, когда в семье не было бы лошадей, овец, уток и собак. Отец, вечно переезжавший с места на место, построил дом в Чилливаке на земле, куда его предки переехали в 1909 году, в сельской местности. Он взял напрокат бульдозер и расчистил пять акров земли, соорудил амбар с чердаком для детей и деревянный мост достаточной ширины, чтобы лошади, принадлежавшие семье, могли переходить по нему небольшой ручей с истоком чуть выше их участка. Позднее он построил на ручье дамбу и водяное колесо, чтобы ловить чавычу и серебристого лосося, когда те идут на нерест в верхо-

вья Веддер-ривер. Иногда на участок забредали черный медведь, олени, лисицы или случайный бык, сбежавший с соседней фермы. Лес привязал к клену, росшему на берегу ручья, тарзанку, с которой можно было перепрыгивать на другой берег, и все лето оттуда доносился детский визг.

Глэдис Джесперсон, устав собирать детей, разбегавшихся в разные концы семейных владений, купила себе оранжевый свисток, пронзительный звук которого был слышен за несколько километров. Заслышав его, дети бегом бросались домой. Годы спустя Кит продолжал вздрагивать и просыпаться при звуке материнского свистка, проносившегося по тюремным коридорам в его беспокойных снах.

Он был застенчивым еще до того, как пошел в школу. Любил играть один: копал туннели в горах песка, строил форты, кидался камешками в форелей и лососей в ручье.

– Кит такой чудесный малыш, – говорила друзьям его мать. – Может сколько угодно сидеть на одном месте. Приходишь час спустя, а он все там же.

Он прекрасно чувствовал себя в собственной компании.

– Дома мне всегда было неуютно, поэтому я фантазировал. В то время это называлось «спал наяву». Я представлял себе, что я шахтер или управляю строительной техникой. Я брал лук и стрелы и становился великим белым охотником в Африке. Я стоял возле нашего ручья и выпускал торпеды по вражеским подводным лодкам, представлял себе океан и

посылал на битву миноносцы. Когда у меня наконец появилось собственное воздушное ружье, я превратился в снайпера, стреляющего по врагам. Я видел себя борцом за справедливость, военным героем, *супер-мальчиком!* Кит должен был спасти мир.

Сидя в четырех стенах, которые будут окружать его до конца жизни, спаситель мира вспоминал, что дом его детства был «тихим и мирным, когда отец отсутствовал, и становился пугающим, когда отец приходил».

По странному парадоксу, Кит считал себя любимчиком отца. «Мы с отцом проводили много времени вместе, играли в криббедж, катались на лошадях по холмам. Пока я следовал его правилам, он был лучшим отцом на свете – добрым, остроумным, забавным. Он позволял помогать ему во многих его делах, с ним я чувствовал себя особенным. Но он никогда не ослаблял своих требований, а они были жесткими. Если мы ехали в его пикапе, он поручал мне держать свое пиво или кока-колу и говорил: «Прольешь хоть одну чертову каплю, и ты мне не сын!» Я постоянно находился в напряжении.

Любимым инструментом наказания у почтенного патриарха был его широкий кожаный ремень. «Все мои дети получали этого ремня, – признавал Лес годы спустя. – Когда я был ребенком, меня лупили куда сильнее, чем я – их, но я не вырос серийным убийцей. Многим детям в наше время

не помешает хорошая порка. Я был строг, но я был хорошим отцом. Я растил моих детей так, как растили меня».

Кит вспоминал, как прятался под кухонным столом, чтобы избежать наказания.

– Мне было четыре года. Отец кричал: «Не вздумай убежать от меня». Он швырнул меня на пол, вытащил из брюк ремень и сложил его пополам, а потом дернул за концы, и ремень издал страшный хлопок. Потом он стал бить меня по задку сложенным ремнем. Сказал, чтобы я не вздумал реветь, иначе он даст мне повод для слез по-настоящему⁴. Я закусил губу и молчал.

Кит вспоминал, как его побили ремнем за то, что он камнем убил любимую утку отца. Мать пыталась помешать этому, но в конце концов сдалась.

– Мама всегда была на нашей стороне, но она не могла запретить отцу напиваться. Иногда она шлепала меня по задку большой деревянной ложкой, но никогда всерьез. Обычно она говорила: «Подожди, вот отец вернется, тогда получишь». Наказывал нас только он.

Дюк, ближайший друг детства Кита, вошел в жизнь мальчика незадолго до его пятого дня рождения. Кит делил комнату с младшим братом, Брэдом, но шоколадный лабрадор

⁴ Лес Джесперсон категорически отрицает, что подобный эпизод имел место. (Прим. авт., если не указано иное.)

всегда оказывался на кровати Кита – зарывался в одеяло и тихонько ворчал, когда кто-нибудь тревожил его сон.

Тема собаки – одна из немногих, которые заставляли Кита оживиться при последующих обсуждениях его детства.

– Я до сих пор сплю в позе эмбриона, как будто оставляю место для Дюка. Мы с ним замечательно проводили время. Он был настоящим бойцом. Гонял лососей по ручью, а когда возвращался домой, от него пахло кошачьим кормом. Бросался на машины, и его сбивали семь раз – он считал, что это его работа, а поскольку Дюк был Джесперсоном, ничто не могло его остановить. Когда злобные псы мистера Гамильтона забегали к нам во двор, Дюк их выгонял. Из одиннадцати собак Гамильтона он убил двоих и покалечил троих.

– Если я шел на поле, Дюк охранял меня от быков и коров. Он пас меня, как ягненка из стада. Однажды мы с отцом заплыли на лодке на середину озера. Вдруг отец оглянулся и воскликнул: «Что за черт?» Дюк плыл следом, пытаясь нагнать нас. Он проплыл чуть ли не километр и едва не утонул. Остаток лета он не выпускал меня из виду.

– Я бросал ему под стол куски со своей тарелки и давал облизать ее после еды. Пес стал моим постоянным спутником и дал первые представления о сексе. Он залезал на любую суку поменьше дога. Возможно, поэтому мне всегда нравилось делать это по-собачьи – это был первый секс, который я увидел.

В шесть застенчивый мальчик приторговывал угрями – наживкой на стерлядь. Со своим таким же немногословным приятелем Джо Смокером начал браконьерствовать, удя лососей из ручья и форелей из соседских запруд.

– Джо был наполовину индейцем, из бедной семьи со множеством детей, и единственное, что мог мне предложить, – свою дружбу. По мнению отца, наша дружба была пустой тратой времени, потому что не приносила никакой выгоды. Он предупреждал меня держаться подальше от Джо. Но мы дружили много лет.

Во время нереста приятели убивали лососей пиками и стрелами.

– Меня столько раз ловили на браконьерстве, что патрульным это надоело. Если они видели, что я рыбачу, то просто ехали к нашему дому и ждали. Они знали, что я постараюсь пронести лосося и форель домой под курткой. Однажды меня застали за ловлей у соседской запруды, и фермер пальнул мне в спину солью. Мама потом вытаскивала соль пинцетом. Слава богу, она не стала рассказывать отцу.

Как большинство других жителей зеленого городка Чиливак, Лес Джесперсон и сам не чурался браконьерства. Он научил сына ложиться лицом вниз на мостки и хватать лососей за хвост. Это было одно из самых теплых воспоминаний Кита:

– Мы делали это вместе. Браконьерство не считалось осо-

бенным правонарушением там, где мы жили. Плохо было попасться. Отец участвовал в городском управлении и не хотел позориться перед другими политиками.

Иногда Джесперсоны охотились по берегам ручья на ондатр.

– Я выдергивал одну из воды за хвост и бросал на берег. Отец или кто-нибудь из братьев забивал ее битой. Сусликов мы убивали сотнями – они считались вредителями на фермах. Отец снимал на камеру, как мы стояли, забрызганные кровью сусликов и всяких других грызунов. Это был наш вид отдыха. Когда мы выросли и женились, отец показывал тот фильм нашим женам. Он шутил: «Посмотрите на моих рожденных убийц! Как они разделяются со своими жертвами! Никто не захочет столкнуться *с ними* в темном переулке».

Для сомневающихся Лес пояснял:

– Фермеры сами просили убивать сурков. Мы оказывали им услугу.

Как многие другие отцы в сельской местности, альфа-самец семьи Джесперсон учил сыновей охоте. Когда они немного подрастали, он дарил им воздушные ружья, чтобы учились метко целиться. Всегда предупреждал не стрелять в людей, но у Кита имелось собственное мнение об этом правиле:

– Для меня оно означало, что нельзя стрелять людям в лицо. А в остальные части тела можно. Я представлял себя

снайпером и стрелял в других детей. Стрельнул моему соседу в пенис, когда он отливал. Он весь облился мочой.

Лес делал сыновьям мощные рогатки из хирургической резинки, но велел не стрелять никому выше уровня локтя. Кит очень скоро понял, что лучше всего в цель попадает марморная крошка, и как-то пальнул пониже спины упитанной соседке, которая наклонилась за ягодами малины.

– Меня поймали, и она потащила меня к отцу. Она хромила и рыдала, прямо-таки заходилась. Отец постарался сохранить серьезное лицо. Он сказал, что не может наказать меня, пока не оценит ущерб. Отсмеявшись собственной шутке, он легонько отшлепал меня у нее на глазах. В тот раз он использовал руку, а не ремень.

Мир Кита

В ранние годы Кит проводил большую часть свободного времени с человеком на шестьдесят лет старше себя, дедом по материнской линии, Роем Беллами.

– Он был непохож на моего деда Джесперсона. Я мог с ним поговорить, и если я делал что-нибудь не то, он никогда не жаловался отцу. Самым резким словом дедушки Беллами было *нет*. Мы удили лосося с его двенадцатифутовой лодки, «Маленький Котто». Мы выходили на рассвете и возвращались в сумерках. Я до сих пор вижу, как он сидит у руля и попивает кофе из термоса, пока я держу на пальце леску, чтобы не пропустить поклевку. Мы были единственными в нашей семье, у кого хватало терпения на такой вид рыбалки.

– Дедушка всегда делал так, чтобы я вытаскивал самых больших рыб – серебристых лососей и чавычу весом почти двенадцать килограммов. Мы были лучшими друзьями и не нуждались ни в ком другом. Порой я гадаю, как бы все обернулось, проживи дедушка подольше. Он умер, когда мне было девять. Это были единственные похороны, на которых я плакал. Там играли «Я слышу симфонию». Я снова заплакал, когда вернулся домой и узнал, что дедушка оставил мне свою лодку и снасти. Бывало, я открывал тот ящик с наживками и совал внутрь нос, чтобы уловить его запах. Отец обменял

Маленького Котто на другую лодку. Я продолжал рыбачить, но все уже изменилось.

Некоторое время у Кита были проблемы с хулиганом по имени Мартин.

– Родители Мартина брали его с собой, когда приезжали к нам в гости. Он всегда попадал в неприятности и сваливал вину на меня. Отец наказывал меня перед всеми. Однажды я решил, что с меня хватит. Я зажал Мартина в угол за гаражом и закричал: «Я тебя убью, сукин ты сын!» Когда отец оттащил меня, Мартин был без сознания. Я убил бы его, если бы меня не остановили, – совершенно точно. Ничего удивительного, что я получил ремня. В тот раз я правда был виноват.

Оглядываясь назад, Кит рассматривает тот случай как поворотный пункт в своем раннем развитии.

– Именно тогда я начал думать, что во мне живут два человека и один наблюдает за другим. Когда я бил Мартина, добрая часть меня стояла в сторонке и смотрела. Может, я до сих пор такой. Когда я решаю какую-то серьезную проблему, мне кажется, что я где-то снаружи, наблюдаю за самим собой. Я могу честно сказать, что тот человек, который избивал Мартина, не был мной настоящим. Я никогда не причинил бы зла другому ребенку, что бы тот ни натворил. Это было не в моем характере. Но в тот день я как будто отступил в сторону и позволил плохой своей части взять верх. Точно

так же было с женщинами, которых я убивал. Мои убийства происходили как в замедленной съемке, и позднее я фантазировал о том, что *мог бы* сделать. Я думал: *Если бы все это повторить, я сделал бы по-другому*. Но, так или иначе, те девушки оказывались мертвы.

В семь лет Кит заболел одновременно импетиго и пневмонией, и его посадили на карантин в его комнате. Мать смазывала бальзамом его язвы, пока остальные дети старались держаться от него подальше. В конце долгого заточения Брэд, Брюс и Шерон построили ему домик на дереве. В избирательной памяти Кита это единственный случай проявления товарищества с их стороны за все детство. Домик оставался его излюбленным убежищем, пока он не наткнулся на небольшую заброшенную школу, где устроил свой форт на пыльном чердаке, который делил с крысами и летучими мышами.

Сколько Кит себя помнил, животные, большие и маленькие, казались ему более реальными, чем собственная семья. Он объяснял, что провел все детство в некоем подобии «мира Кита». Братья и одноклассники оттуда были полностью исключены.

– Ко мне всегда относились как к изгою, и таков был мой ответ.

День рождения они праздновали вместе со старшим братом Брюсом, и каждый год мать устраивала для них сов-

местные вечеринки. Брюс был общительным, дружелюбным мальчуганом, и праздник всегда крутился вокруг него, а не Кита.

— Меня это задевало. Единственное, что было на этих вечеринках хорошего, — торт, который мама всегда пекла. Он был шоколадный с малиновой начинкой, политый шоколадом и украшенный зефирными кроликами. Сверху она делала гнездо из половинки кокоса и насыпала туда мармеладки. Мама заворачивала мелкие монетки в вощеную бумагу и прятала их в торт.

Погружаясь в эти шоколадные воспоминания, Кит не забывал отмечать, что монетки всегда находили другие дети — не он.

С первых дней в начальной школе, находившейся в полутора километрах от дома, мальчика дразнили за крупное телосложение. Он не отвечал обидчикам, потому что боялся, что его накажут сначала учителя, а потом отец. Он горбил спину и пытался копировать других детей.

— В первом классе я заполнял целые страницы воображаемыми «буквами» — просто каракулями, черточками и кружками. Я сам не понимал, что пишу, но думал, что учительница поймет. Я считал, что так делают все в школе. В конце первой недели она подняла вверх мою тетрадку и сказала: «Вот как *не надо* делать». Она опозорила меня перед всеми.

В первом классе Кит постоянно получал плохие оценки,

и его собирались оставить на второй год.

— Я боялся приносить домой дневник. Меня лупили много месяцев, прежде чем выяснилось, что у меня близорукость. Я не видел, что написано на доске. Я пожаловался бы раньше, но мне казалось, что у всех детей есть эта проблема. Это была *моя* ошибка, а не учителей и не родителей. Когда в конце концов все выяснилось, мне купили очки, и мои оценки немного улучшились. Но я так и не догнал остальных.

Координация у мальчика тоже не успевала за стремительными темпами роста, и он ходил, пошатываясь и спотыкаясь. Так толком и не научился скакать на лошадях. Если отцовский конь Динамит переходил на рысь, Кит сразу с него падал.

На физкультуре в школе устроили эстафету, где нужно было пропрыгать или пробежать с подскоком до следующего участника. Когда очередь дошла до Кита, он запрыгал на месте.

Остальные дети стали смеяться, и он через стадион побежал домой.

— Я сказал себе: *Ну и ладно. Они мне не нужны.*

В начальной школе к нему так часто применяли телесные наказания, что впоследствии, когда у него не осталось других занятий, кроме как обдумывать свои былые прегрешения, он сочинил целое эссе насчет боли и наказаний. Написанное

в его обычном мелодраматическом стиле, оно сопровождалось тщательно прорисованными графиками и диаграммами и называлось «Ремень в школе Ансуорта»:

Я впервые познакомился с «бобровым хвостом» в первом классе начальной школы. Нашим знакомством стали три удара по ладоням. Сначала меня били в школе, а потом я возвращался домой и получал по заднице от отца. К шестому классу меня наказывали в школе минимум пятнадцать раз. Стандартным наказанием были три удара по каждой ладони, потом перерыв, потом еще три раза, опять перерыв, а после этого руки совали под холодную воду, от которой было еще больше, чем от ударов.

Однажды нас с моим другом-индейцем Джо Смокером наказали за драку. Джо положил руку на стол директора, а когда тот занес ремень, Джо ее отдернул. На столе осталась отметина, и директор вышел из себя, поэтому на следующем круге бил нас еще сильнее.

Ремень для наказаний был похож на тот, о который правят бритвы, только шире. К нему была приделана деревянная ручка длиной около двенадцати сантиметров, а ремень был шириной пять сантиметров и длиной сорок пять, весь в проволочной оплетке. Когда его держали в воздухе, он не провисал из-за проволоки. Иногда проволока впивалась в кожу и выступала кровь. Я до сих пор чувствую, как ремень хлещет меня по ладони, как в тот день, когда наказали нас с Джо.

Нам велели положить руки ладонями вверх, и

первый удар был похож на ожог. Второй был еще больнее, а на третьем моя ладонь опухла. Она была вся красная, горячая и вздутая, когда я опустил правую руку. Со слезами на глазах я подставил левую руку, зная, что по ней будет бить взрослый человек, замахающийся изо всех сил. Моя правая рука ужасно болела, а теперь пришлось подставлять еще и левую. Я кое-как вытерпел три удара, а потом еще должен был смотреть, как бьют Джо Смокера – а его заставляли смотреть, как бьют меня.

После того как директор разделался с Джо, он вернулся ко мне и к моей правой ладони, которая вся натянулась и набухла, и я получил по ней еще три удара ремнем. Потом по левой, пока из ран на правой руке сочилась кровь. Когда наказание закончилось, нас отвели в туалет и велели подставить ладони под холодную воду, чтобы спал отек. Все это продолжалось около двадцати минут.

Дома отец уже знал, что случилось в школе. Он вытащил свой ремень, и меня снова избили. На следующий день я не мог ни сидеть, ни писать. Отец редко бил Брюса или Брэда, но нашей старшей сестре Шерон частенько доставалось. Однажды, когда он был пьян, я видел, как он вломился в ванную, чтобы побить ее. Когда он был пьян, все бывало еще хуже⁵.

⁵ Лес Джесперсон категорически отрицает, что подобный инцидент имел место.

Его дочь Шерон отказалась давать комментарии относительно отца или своего детства.

Животные, друзья и враги

Приближаясь к подростковому возрасту, Кит продолжал выводить из себя учителей и смешить одноклассников, но постепенно учился жить со своими особенностями. Его немногочисленные дружбы были недолгими. «Ты привыкаешь думать, что в тебе есть нечто, отталкивающее других. Со временем это начинает казаться нормальным. Братья никогда не были мне друзьями. Сестры были милые, но они же девочки! Я научился обходиться без друзей».

Кит находил приятелей в животном мире: своего пса Дюка, отцовских лошадей, кроликов, диких птиц. Он пытался вылечить вороне сломанное крыло, приделав к нему шину из палочки от леденца. Раненую птицу он устроил в гнезде, которое соорудил из мягких тряпочек. «После школы мой старший брат Брюс отнес Блэки к соседу. Они посадили ее в деревянный ящик и кидались в нее ножами, пока она не умерла».

Разъяренный Кит ворвался в комнату Брюса на втором этаже.

«Я выбросил в окно все его пластмассовые модели самолетов – маленькие самолетики, которые он старательно склеивал, с закрылками, работающими рулями, колесами. Я кричал: “Летите, ублюдки, летите!” *Падайте, падайте, падай-*

те. Мама довершила работу, проехав по ним на машине, когда вернулась домой. Меня наказали за то, что я уничтожил модели, а Брюсу ничего не было за то, что он убил мою ворону. Отец просто сказал: “Забудь о ней, сынок. Это всего лишь тупая птица”».

В воспоминаниях Кита отец терпел большинство тупых животных, но ненавидел кошек. «Он заталкивал их в мешок и топил. К собакам он относился лучше. Но мог выстрелить в бродячего пса, и тот с визгом убегал. Местные выбрасывали кошек и собак, которые им были не нужны, в конце нашей дороги. Они у нас не переводились».

Иногда Кит помогал отцу бороться с нашествиями бродячих котов.

«Вслед за отцом я научился считать, что они – заноза в заднице. Они залезали в наши мусорные баки, орали ночи напролет и не давали нам спать. Мы следили за тем, чтобы сразу убивать котят. Шерон и Джилл этого не одобряли, но они же были девочками. Шерон говорила: “Это отвратительно, Кит!” Мои сестры видели пятна крови в сарае и начинали реветь».

Мальчик помогал очищать семейный участок от ужей.

«Наша земля кишела ужами – их там были сотни. Отец научил меня перерубать их пополам топором. Мне нравилось смотреть, как они извиваются под лезвием, и иногда я пытал их садовыми инструментами. Это было одно из моих

развлечений».

Детский секс

Первые сексуальные поползновения Кит предпринял в пятилетнем возрасте: он поцеловал четырехлетнюю девочку на заднем сиденье материнской машины. В дальнейшем на сеновале они наслаждались более интимными контактами. «Мы занимались сексом год или два – не в том смысле, как его понимают взрослые, а детским сексом: целовались, трогали друг друга, показывали, что у нас есть. В основном мы целовались. Целовались до тех пор, пока не устанем».

В школе Ансуорта Кит познакомился с рыжеволосой красавицей, к которой впервые ощутил романтическое влечение. «Но я знал только поцелуи, а романтики не знал. Мы учились вместе с первого по шестой класс, и я до сих пор ее вспоминаю. Она – часть моих фантазий. Когда я вырос и жил в Штатах, то возвращался в Чилливак повидаться с ее братом, но на самом деле – с ней. У нее началось какое-то редкое заболевание, и в последний раз, когда я ее видел, она лежала в больнице. Я слышал, что она умерла».

Ранний интерес Кита к сексу пробудил в нем любопытство насчет того, что происходит между его родителями. «Помню, я как-то осознал, что нас, детей, бьют ремнем всегда в спальне. Там же я позднее убивал своих жертв – в

спальном отделении, за задернутыми занавесками. Возможно, у меня в мозгу с детства осталась эта связь».

Поздно ночью мальчик мог сидеть на лестнице возле родительской спальни и прислушиваться к звукам, доносившимся из-за двери. «Днем я слышал, как отец говорил: “Глэдис, почему ты не хочешь выглядеть сексуальной для меня? Поди в магазин, купи себе что-нибудь сексуальное”. *Сексуальное?* Хотел бы я знать, что это означает. Слово было с подтекстом. Родители ожидали, что мы узнаем о сексе, наблюдая за животными, но я довольно скоро понял, что это — лишь малая часть истории. Я хотел спросить маму, но никак не мог набраться смелости».

Кит с приятелями из школы играли на соседской молочной ферме, когда один из работников решил устроить им урок сексуального воспитания. «Он разделся и заставил нас сделать то же самое. Он сказал, что секс — это когда мы соприкасаемся пиписьками, и начал играть со своей, пока она не стала большой и твердой. Потом он велел нам потрогать его. Он пристроился к другому мальчику, а я схватил свои вещи и убежал. Он крикнул мне вслед никому не рассказывать. Я подумал: *Можешь не волноваться! Я точно не расскажу.*

Позднее я спросил того мальчика, как ему понравилось. Он сказал, что было больно, а когда он рассказал своему отцу, что произошло, тот велел ему держать язык за зубами.

Работник с фермы сделал это с ним по-собачьи, а когда все закончилось, заставил облизать его член. Мне стало противно, и я не хотел слушать дальше. Больше мы того работника не видели. Я потом долго размышлял, почему он стал таким».

Еще большая путаница в отношении секса возникла у Кита в голове после туристической вылазки с отцом и его друзьями. Старший мальчик научил его одной песенке, и Кит спел ее приятелю отца по дороге на стоянку. «Он так хохотал, что чуть не съехал в кювет. Когда в тот вечер мы сидели у костра и все пили, он сказал моему отцу, что Кит знает забавную песенку. Отец велел мне ее спеть. Я сказал: «Пап, там есть плохие слова». Отец ответил: «Пой, пой». Я сказал: «Ты обещаешь меня не наказывать?»

Лес пообещал, и Кит спел длинную вульгарную песенку, начинавшуюся словами:

С добрым утром, мистер Мерфи,
Да благословит вас Бог.
Был вчера я с вашей дочкой,
Искал дырку между ног...

И заканчивалась:

Мой дружок был красно-синий,
Так что в следующий раз,

Дорогой мой мистер Мерфи,
Буду трахать в жопу *вас*.

Кит боялся сурового наказания, но отец сдержал свое слово. «После этого он превратил меня в свою обезьянку на веревочке. Выставлял меня перед кем-нибудь и требовал спеть ту песню. У нас дома нельзя было даже произнести вслух *сиська* или *секс*. Но перед компанией мне позволялось за-просто говорить “трахать в жопу”. Я совсем не понимал этих взрослых».

Назвал суку сукой

Всю жизнь Кит вспоминает один инцидент, случившийся, когда ему было девять и они еще жили в Чилливаке:

Я подрался с мальчиком моего возраста. Его мать заорала, чтобы я убирался с их двора и не подходил к ее сыну. Она ругалась плохими словами, и я крикнул ей в ответ, что она сука. Я ехал на велосипеде домой, когда шестнадцатилетний брат мальчика догнал меня на своей машине, повалил на землю и дважды пнул своим остроносым ковбойским сапогом. Потом он проехал по моему велосипеду и раздавил его.

Моему отцу не понравилось, когда констебль полиции вытащил его с заседания городского совета и сообщил, что его Кит назвал суку сукой и та сука сейчас пишет на него заявление. Отец пришел в ярость. Он уже с полудня был пьян и сразу помчался домой. Прежде чем мама успела рассказать ему всю историю, он ударом кулака свалил меня на пол и поволок к себе в спальню. Он избивал меня ремнем, пока я не охрип от крика, и орал на меня, что я выставил его идиотом перед госпожой председательницей.

В конце концов мама оттащила его и сказала: «Лесли, Кит *ни в чем не виноват*». Она показала ему синяки в тех местах, где брат Брайана меня пнул, и тогда отец

позвонил матери Брайана и обругал еще грубее, чем она обругала меня. Он швырнул телефонную трубку, развернулся ко мне и сказал: «Пускай это послужит тебе уроком».

Мама спросила: «Ты не хочешь извиниться перед Китом?»

Отец ответил: «Он получил по заслугам»⁶.

Я не знал, что думать. Больше всего на свете я желал одобрения отца. Я хотел, чтобы он меня любил, и готов был на что угодно, лишь бы ему угодить. Он был для меня вторым после Бога. Но даже когда я был прав, я оказывался не прав. Я думал: «Давай, пап, обвиняй меня. Я приму ответственность, даже если ничего не делал. Только постарайся любить своего сына, папа». Может, он и любил, но никогда этого не показывал.

Одно из местных знакомств Кита во многом повторяло его отношения с отцом. Соседский мальчишка был примерно того же возраста и учился с ним в одном классе, так что вроде бы им следовало подружиться. Но что-то в Ките провоцировало того мальчика. «Я был для него вроде боксерской груши. Когда мы пошли купаться на озеро Культус, он попытался меня утопить. Он держал мою голову под водой, отпускал, чтобы я сделал вдох, а потом топил снова. После пяти или десяти минут у меня в глазах почернело. Полицейский, который спрыгнул в воду и вытащил меня, спас мою жизнь».

⁶ Лес Джесперсон отрицает, что этот инцидент произошел в действительности.

Кит понимал, что рано или поздно ему предстоит дать обидчику отпор. «В общественном бассейне я держал его под водой до тех пор, пока не подоспел спасатель. Я всерьез собирался его утопить. Наверное, можно сказать, что это была вторая в моем детстве попытка убийства. Первым был тот ублюдок Мартин. Я как будто знал только один способ борьбы – на выживание».

Алка-зельцер для чаек

Ожесточение происходит не только в рамках семьи.

Оно может происходить и в компаниях приятелей, и в бандах.

Ричард Родс,

«Почему они убивают: Открытия знаменитого криминолога»

После того как Кит ответил обидчику, баланс в его отношениях с соседскими детьми немного изменился и небольшая компания мальчишек приняла его к себе и стала учить приемам пыток животных. «Они взрывали воробьев петардами. Я до сих пор слышу тот звук и чувствую запах. *Бах!* Облачко перьев оседает на землю. У зарядок и соек взрыв просто отрывал лапки. Они прибивали ворон гвоздями к доске и швыряли в них ножи. Так они убили Блэки».

Мальчики заталкивали «алка-зельцер» в клювы чайкам, пока у тех не лопался желудок, прибивали кошек и маленьких собак к доске и протыкали их гвоздями и иголками. «Нашим любимым развлечением было связать хвосты паре кошек проволокой и подвесить их на веревке. Они царапали друг друга, пока одна не подыхала. Потом победитель выл и стонал, пока сам не умирал от ран, а мы сидели и смотрели».

Отправляясь к своим приятелям развлекаться пытками, Кит всегда оставлял своего пса Дюка дома, чтобы те не добрались до него. «Мы брали петарды и втыкали их кошке в пасть или в зад. Делали так, пока она не умирала. Зимой мы заманивали птиц в ловушки, которые делали из ящиков. Мы заливали им в клювы отбеливатель и смотрели, как они корчатся и умирают. Так мы забавлялись. Очень скоро это стало казаться нормальным».

Со временем к пыткам животных у Кита добавилось увлечение поджогами. Ему всегда нравилось сидеть у костра и смотреть, как тот догорает до последней искры. «Я первым вызывался бросить в огонь пустой флакон из-под аэрозоля, чтобы он взорвался. Однажды я бросил туда наполовину полный баллончик лака для волос, притворившись, что случайно ошибся. В воздух взлетел шар огня, похожий на маленький ядерный взрыв. Бутановые зажигалки тоже взрывались».

Смотреть на огонь, когда мы были в походе, мне очень нравилось. Я сидел еще несколько часов после того, как все расходились спать. Иногда я находил жуков и бросал их в огонь: слушал, как они трещат, когда у них лопаются панцирь. Или я бросал в костер бревно, полное насекомых, и смотрел, как они пытаются убежать. Когда мне было десять, мы с Джо Смокером раздобыли римские свечи и стреляли

ими друг в друга. Одна из старых машин, принадлежащих его деду, загорелась, и мы десять минут пытались ее потушить. Никто не узнал, что это мы сделали».

Приателям повезло меньше, когда они случайно подожгли пустой дом, принадлежавший соседу по имени Вебстер. «Мы развели огонь в очаге, и искра попала в стопку старых газет. Мы бросили все и сбежали. Полчаса спустя мы услышали сирену пожарной машины. Старый дом сгорел дотла. Кто-то видел, как я убегал оттуда, и донес на меня, так что пришлось признаться.

Я понимал, что с отцом на этот счет лучше не спорить. В его глазах отрицание вины было ничуть не лучше самой вины. Меня наказали и велели отдать соседу все мои сбережения – около пятидесяти баксов. Позднее тот сосед сказал отцу, что получил страховку – хорошо, что мы сожгли ту развалюху. Но вернуть мне деньги он даже не подумал».

В своих бесконечных рассказах о детских прегрешениях и разочарованиях Кит заявляет, что его вынудили признать себя виноватым в травле младшего мальчика, хотя на самом деле того донимал брат Кита Брэд. Как во всех своих воспоминаниях, Кит выставляет своего отца злодеем. «Брэд прибежал домой в панике и спросил меня, не звонил ли кто из взрослых. Он сказал, что ввязался в драку с мальчишкой и что родители того обещали позвонить отцу. Когда ближе к

вечеру зазвонил телефон, я взял трубку. Мужчина обвинил меня в том, что я избиваю его сына. Потом он спросил мое имя, и я сказал. Он пообещал, что еще позвонит моему отцу.

Когда он позвонил, отец сам ответил. Он сразу сурово уставился на меня. Как обычно, отец был пьян. Едва опустив трубку, он ударил меня кулаком⁷. Он сказал, что сейчас покажет мне, каково это – когда тебя травят. Я сказал, что это не я, а он обозвал меня лжецом. Когда отец закончил, Брэд решился признать свою вину. Отец избил и его тоже. Я ждал от него извинений, но отец, как обычно, сказал мне считать это уроком».

⁷ Лес Джесперсон категорически отрицает, что бил кого-либо из своих детей кулаком. Он прокомментировал это так: «Похоже, у моего сына фотографическая память на вещи, которых никогда не происходило».

Церковь труда

Кит вспоминал, как в одиннадцать лет отец начал привлекать его к работе. «У отца была собственная рабочая этика. Он говорил, что если мы будем трудиться не покладая рук, то вырастем большими, сильными и успешными. А если не будем работать, так и останемся никчемными. Я просто хотел еще пару лет побыть ребенком. Мама считала, что надо записать меня и братьев в воскресную школу, но отец сказал, что Библия для слабаков, а мы определимся с религией сами, когда станем старше. «А сейчас, – говорил он, – вы по воскресеньям будете работать. И платить за стол и кров». Он сказал, что его отец брал с него и братьев плату за стол и кров и так они научились ценить деньги.

Он заставлял нас чистить болты и гайки, которые замачивал в бочках с машинным маслом, – это была его часть контракта по перестройке моста над Фрейзер-ривер. Мы терли их проволочными щетками, пока они не начинали блестеть. Острые мелкие осколки застревали у нас под ногтями – было чертовски больно.

Когда мы закончили с болтами и гайками, он велел нам собирать сено в стога. Если у него не было для нас работы, он придумывал ее. Труд был его церковью, а он в ней – священником. Он выгнал мою сестру Шерон из дома, когда ей

исполнилось шестнадцать лет, и сказал не возвращаться, пока она не устроится на работу».

Помимо работы на отца, одиннадцатилетний Кит начал развозить по утрам газеты. «Провинс» выходила ежедневно, и мальчик гордился тем, что доставляет газету в условиях сурового канадского климата. В самые плохие дни мать подвозила его на своем «Форде Фалькон».

Взрослые на его одиннадцатикилометровом маршруте полюбили славного кудрявого паренька, и впервые в жизни он ощутил к ним приязнь. В день оплаты некоторые клиенты оставляли на своем крыльце ровную сумму, а кто-то – купюры побольше, рассчитывая, что он положит сдачу. Он был удивлен таким проявлением доверия от незнакомцев. «Мне нравились все, кому я развозил газеты. Нравились даже их собаки, которые лаяли на меня, пока не привыкли. Я работал на совесть и получал хорошие чаевые. Некоторые мои клиенты ждали меня с чашкой горячего шоколада. Я начал думать, что люди бывают хорошими, добрыми – по крайней мере, некоторые».

В пятом классе Кит подружился с соседским мальчиком по имени Рег Рутли. Они быстро сблизились: встречались после школы, удили форель и лосося, охотились на кроликов и белок, бродили по лесу, заигрывали с девочками и наслаждались обществом друг друга. И тут семейство Джесперсон

объявило, что покидает страну.

3

Кит Хантер Джесперсон – 2

1

Блокпост

Спустя месяц после того, как я узнал, что двоих невинных людей посадили в тюрьму за мое убийство, мы с моей девушкой Пегги ехали на восток в Иллинойс с грузом древесины. В Айове мы попали в снежную бурю, и на крыше трейлера остался снег. На пункте весового контроля на Рок-Айленде мне зажгли красный свет и велели съехать на парковку. Служащая сказала, что я должен заплатить восемьдесят четыре доллара штрафа за перевес и счистить снег. В противном случае мы не сможем ехать дальше.

Я сказал:

– Ничего я не буду платить. Это ваш снег, из Айовы.

А сам подумал: *Черт побери, каждый раз, когда я попадаю в неприятности, причина в женищинах.*

Она сказала подождать, а сама зашла в свой домик что-то проверить. Она ввела мои данные в компьютер и увидела там ордер на арест из округа Шаста, Калифорния. Она арестовала меня по обвинению в изнасиловании.

Пегги стала кричать, что это ошибка. Я взглядом велел ей заткнуться. Она сердилась в первую очередь потому, что знала – теперь ей придется самой доставлять груз и уговаривать кого-то заняться разгрузкой.

Служащая велела мне счистить снег, чтобы Пегги смогла ехать дальше. Мы с ней на несколько минут заперлись в кабине, и я сказал, что могу отсутствовать довольно долго. В своей паранойе я сделал ошибку и рассказал ей, что пока она каталась с другим парнем в Теннесси, я убил девушку в Портленде, и меня могут задержать еще и за это. Я не сказал ей, кого именно убил. Я объяснил, что решился на это, чтобы потренироваться и все-таки убить ее бывшего мужа, как она просила.

Сначала она мне не поверила, но когда правда наконец дошла до нее, она вскинулась, стала меня обзывать, а потом разрыдалась, как ребенок. Я не знал, что сказать, чтобы ее успокоить. Прежде чем меня увезли в машине шерифа, я отдал Пег все мои деньги. Она все еще всхлипывала, когда отъезжала с нашим грузом древесины.

В два часа ночи меня доставили в окружную тюрьму. Восемь часов спустя мне подтвердили обвинение в сексуальном нападении первой степени и сообщили, что экстрадируют в Калифорнию.

Я заявил судье, что не буду опротестовывать ордер. Я сказал:

– Я невиновен, ваша честь, и хочу вернуться и доказать это. Но я прошу вас отменить штраф в восемьдесят четыре доллара. Его мне выписали ни за что.

Я очень не любил, когда меня шлепают по заднице, – слишком часто испытывал это ребенком. Судья отменил штраф.

Меня посадили в изолятор с еще шестнадцатью парнями. Это был мой первый реальный опыт с уголовниками. Я хотел переключить канал на телевизоре, и здоровенный черный громила сказал:

– Сначала попробуй одолей меня в армрестлинге.

Я сразу его уложил. Он сказал:

– Я был не готов.

– А теперь готов?

Я уложил его снова. Он сказал:

– У меня рука соскользнула.

Я сказал:

– Соскользнула, да? Давай тогда еще раз.

Он у меня чуть не перелетел через стол. Я встал и сказал:

– Это мой телик, засранец.

Теперь я был там главным.

После нескольких суток в изоляторе на Рок-Айленде детективы сказали мне, что ордер из Калифорнии слишком незначительный – оказывается, обвинение сменили с изнасилования на приставания. Это не оправдывало стоимость

экстрадиции. Он сказал, что в следующий раз, когда я буду в Калифорнии, мне надо заехать в суд в Айреке и обвинение снимут. Ничего особенного. Я и так знал, что главная минетчица округа Шаста не станет свидетельствовать против меня и рассказывать про ночь, которую провела со мной и своим ребенком, – уж точно не из-за обвинения в сексуальных приставаниях.

Меня выпустили из изолятора, и я отправился на стоянку грузовиков на шоссе I-80, чтобы позвонить в свой офис в Спокане. Оттуда мне прислали двести долларов, чтобы я мог на автобусе вернуться домой. Сидя в автобусе, я размышлял: *Мертвые не лгут, и в следующий раз, если женщина станет сопротивляться, как Джин, она, мать ее, точно сдохнет. Большие я подобного дерьма не допущу.*

Долгая поездка на автобусе дала мне время подумать, и я надумал кое-что. Возможно, это была простая удача, но я убил девушку в Портленде, и двое невинных людей сели за это в тюрьму. Я напал на женщину в Калифорнии, и полицейские отпустили меня. Меня арестовали на Рок-Айленде, но я снова смог выпутаться.

Я радовался, что всех перехитрил, но в то же время меня немного злило, что никто ничего не знает. У меня были смешанные чувства: недовольства и тайной власти, превосходства. Наконец-то я стал как мой отец – умнее всех остальных. Я совершил убийство и остался безнаказанным.

Я не мог удержаться, чтобы снова не попытать удачу. Сидя на толчке на остановке автобуса в Ливингстоне, штат Монтана, я вытащил из кармана ручку. Кто вообще читает все эти надписи в туалетах? Я написал: «Я убил Таню Беннет 21 января 1990 года в Портленде, Орегон. Я забил ее до смерти, изнасиловал ее, и мне понравилось. Да, я больной, но мне это нравится. Других сажают, а меня – нет».

Тут отразились все мои чувства – гнев, гордость, превосходство. Почему бы не подразнить немного копов? Я был в таком хорошем настроении, что подписал свое граффити одним из этих дурацких смайликов. Я был счастлив от того, что снова оказался на свободе.

Но за тем граффити ничего не последовало – никаких сообщений в прессе, по телику или по радио. Я ждал два месяца, прежде чем в следующем рейсе написать в туалете в Уматилле, Орегон: «Убил Таню Беннетт в Портленде. За убийство посадили других, мне можно убивать снова. (Доказательство – отрезанные пуговицы с джинсов.)». *Посмотрим, проигнорируют ли меня опять.*

Так и вышло. Почему эти тупые полицейские не могли сообразить, что засадили не тех?

2

Легкий зуд

Психопат никогда не рассматривает ситуацию с позиций будущего.

Он просто бросается в нее с головой...

Он нуждается в постоянной эскалации, чтобы ощущать удовольствие от жизни.

*Томас П. Детри, доктор медицины,
профессор психиатрии Йельского университета*

Мой босс в компании грузоперевозок в Спокане уволил меня, когда узнал про арест в Шасте, и Пегги тоже уволилась в знак протеста. В феврале 1991-го я поехал на Аляску работать на судне, где перерабатывали рыбу, «Оушен Прайд», в Датч-Харбор. Я поработал там месяц и поставил новый рекорд – сто тридцать шесть ящиков в час, когда старый был всего сорок. Но работа оказалась скучновата на мой вкус. Океан не подходил для мальчишки, привыкшего рыбачить на реках и ручьях.

Я полетел обратно в Портленд, к Пегги. Брался за временные подработки, а потом устроился в компанию грузоперевозок в Якиме, Вашингтон. Пег с детьми остались дома в Портленде, а я жил в грузовике, чтобы подкопить денег и снять дом с ней вместе.

Я продолжал фантазировать про Таню и про то, что надо было оставить ее в живых и использовать как сексуальную рабыню. Я старался отвлекаться, поддерживать хорошую физическую форму и быть здоровым. В холодильном ящике в моей кабине всегда был запас диетического напитка «Слим Фаст». В дальних поездках я мог неделю существовать на стодолларовом запасе «Слим Фаста». Я старался избегать сытной еды, от которой хотелось спать. Я мог разбавить порцию «Слим Фаста» четвертой грейпфрутового сока, проглотить пригоршню таблеток «Ноу-Доуз»⁸ и ехать три-четыре дня без сна. Мне неоднократно случалось проехать от одного побережья до другого, останавливаясь только для заправок.

Я не думал, что моя диета может мне навредить, но начал замечать, что периодически испытываю что-то вроде зуда. Бывало, я съезжал на обочину, вылезал из кабины и бегал туда-сюда, пока не успокоятся нервы. Как-то ночью я припарковался на шоссе 97 возле Лава-Бьютт к югу от Бенда, Орегон. Там был серпантин, который вел к сторожевой башне. Обычно в башне никого не было. Я добежал до верха несколько раз и один раз поговорил с дежурной, сидевшей в башне. Я узнал, что у нее есть переносной телевизор и радио. Просто ради развлечения я решил их украсть.

Я достал из ящика с инструментами монтировку и снова побежал вверх. Когда я уже почти добрался до башни, то

⁸ Таблетки с кофеином от усталости и сонливости. (Прим. ред.)

увидел внизу машину. Тут мне пришло в голову, что башня не просто охраняется – дежурная-то женщина! Я начал думать об изнасиловании.

Я чувствовал себя уверенным и сильным. Я был весь потный, разгоряченный. Я фантазировал о том, как проскальзываю женщине между ног, без всяких прелюдий, и проникаю внутрь, хочет она или нет. Моя бывшая жена Роуз всегда говорила, что ненавидит секс, потому что я принуждаю ее к нему. Сейчас у меня был шанс принудить к сексу незнакомку. *Это случится сегодня, сестричка, прямо сейчас! И никаких разговоров!* Мысли о сексе по принуждению возбудили меня еще больше.

Но, подбираясь к башне, я начал сомневаться. Я понял, что могу сильно подставиться. Стоит ли ночной визит в сторожевую башню риска снова оказаться в той же ситуации, что и в Шасте? Пострадать за не такое уж и большое удовольствие? Пожалуй, нет. Я решил просто добежать до конца тропы, чтобы избавиться от фантазий.

Оказавшись на смотровой площадке, я поглядел вниз на Бенд. Собрался отлить, но тут увидел внизу какое-то движение. Машина подъехала к моему грузовику.

Это наверняка был полицейский, поэтому я выкинул мониторинговку и побежал вниз. Там я стал как сумасшедший носиться туда-сюда, чтобы сбросить напряжение. Когда я закончил, полицейский уже уехал.

Когда я вернулся в офис своей компании, босс спросил меня, с какой стати я лазал на Лава-Бьютт среди ночи. Я ответил, что просто совершал пробежку – я всегда так делаю. Он ответил, что шериф Бенда звонил и велел мне держаться подальше от Лава-Бьютт. Босс сказал мне больше не приближаться к тому серпантину или он меня уволит.

Две недели спустя я все-таки поднялся на Лава-Бьютт и поговорил с дежурной при свете дня. Я сказал, что прошу прощения, если напугал ее. Дежурная призналась, что это она на меня донесла. Я сказал, что теперь буду бегать здесь только днем. Она ответила, что скажет своим сменщицам, что я завсегда. Мне показалось, я ей понравился. На этом закончилась еще одна моя неудачная попытка.

В результате того инцидента я принял решение: если уж принуждать кого-то к сексу, то лучше проституток. Они вряд ли побегут в полицию. В конце концов, они этого заслуживают. Большинство из них еще и наркоманки. Я попробовал с двумя или тремя – не бил их, но издевался, занимался жестким сексом, в общем, заставлял отработать свои деньги.

Однажды я выполнял рейс для компании «Смит-Фуд» из Феникса и ночью подсадил к себе проститутку с хорошими сиськами и торчащими сосками. Когда она залезла ко мне в спальное отделение, я навалился на нее и сказал помалкивать, если она хочет остаться в живых. Она запаниковала и

согласилась на все, так что я часа полтора делал с ней что хотел, а потом сказал убираться на все четыре стороны.

– Как насчет моих денег? – закричала она, когда вылезла из кабины.

Я сказал:

– Мне не понравилось тебя трахать. Так что проваливай отсюда.

Она запрыгнула на подножку и брызнула мне в лицо перечным спреем. Мои легкие вспыхнули огнем, я закашлялся, меня чуть не вырвало. Единственное, что спасло мне глаза, – мои очки.

Я поехал вперед, высунув голову в окно, чтобы эта дрянь выветрилась. Теперь я был не только убийцей, но и насильником. Что дальше? Я был возбужден и немного напуган. Вместо перечного спрея у нее мог оказаться пистолет.

Я решил проверять, что проститутки проносят ко мне в кабину. После Тэньи прошло полтора года, но мысли о том, чтобы взять женщину силой, преследовали меня постоянно. Да поможет Господь той несчастной, которая в следующий раз попытается доставить мне неприятности.

Фиолетово-синий

Шел 1992 год; моя бывшая жена с детьми продолжали жить в Спокане, моя девушка Пегги была в доме своей матери в Портленде, а я кочевал в своем грузовике, № 22 компании A&G. Это был «Петербилт-379» 1989 года, с шестиметровой колесной базой, низкопрофильными шинами и пятнадцатискоростной трансмиссией. Мотор на четыреста лошадей «Катерпиллер АТАС» тащил груженую шестнадцатиметровую фуру как игрушечный вагончик – без малейшего усилия. Мой грузовик приковывал все взгляды – фиолетово-синий, сверкающий, с двойной хромированной решеткой, отполированными алюминиевыми дисками и дополнительным хромированным обвесом, на который расщедрилась компания. Под лобовым стеклом я повесил новогоднюю гирлянду, а на крышу установил обтекатель, снижавший сопротивление воздуха. Я обожал этот грузовик. Старался мыть и его, и себя через день, если не каждый день. Такая машина стоила дополнительных расходов.

Нелегко было постоянно находиться в дороге, вдалеке от Пег и моих детей, но я старался извлекать из этого выгоду. У меня было просторное спальное отделение с двумя встроенными шкафчиками и большим матрасом – на двадцать сантиметров длинней моего роста. По ночам я лежал в постели,

читал или слушал, как другие фуры въезжают на стоянку и устраиваются на ночлег: водители переговариваются, ходят туда-сюда, заигрывают с проститутками. В моем спальном отделении я чувствовал себя королем дорог.

У меня была стандартная рация «Юниден» с сорока каналами, но я практически не выходил в эфир. Избегал обычных переключек вроде «кто тут поблизости», когда водители обмениваются шутками или предупреждают остальных, где притаился патруль. Вместо этого я просто слушал. Моя рация передавала сигналы за сорок миль. Я ловил все сплетни и слухи.

У дальнобойщиков никогда нет недостатка в сексе, но я все еще немного волновался насчет того, чтобы остаться наедине с женщиной после случая с перечным спреем. Но тут мне представился новый шанс попасть в старые неприятности, и глупо было бы сказать «нет».

4

Убивая снова

Потом, когда он начал убивать женщин, он делал некоторым искусственное дыхание, потому что они теряли сознание слишком быстро. Он говорил: «Я не собирался лишать себя удовольствия. Я хотел видеть в ее глазах, что она знает, что вот-вот умрет и что это я заберу ее жизнь».

*Джэнет Уильямс,
кафедра поведенческой медицины и психиатрии,
Университет Вирджинии,
в дискуссии о серийных убийцах*

Был жаркий летний день 1992 года, и я припарковался на пункте проверки тормозов на шоссе I-15, прежде чем спуститься с холма в Сан-Бернардино, Калифорния. На мне был комбинезон, и я лежал под грузовиком, регулируя тормоза на случай, если их подвергнут инспекции.

Я уже заканчивал, когда услышал женский голос:

– Эй, ты меня не подбросишь?

Я выглянул из-за колеса – рядом стояла девушка в обтягивающих вареных джинсах, широком белом топе, с большими сиськами. Не красавица, но довольно симпатичная. Ветер дул в мою сторону, и от нее приятно пахло. Она спросила еще раз, и я ответил:

– Конечно. Куда ты едешь?

Она сказала:

– Ну, в Эл-Эй. Или... да куда угодно.

Я сказал:

– Кто ты такая и откуда тут взялась?

Она хихикнула и ответила:

– Я просто свободная женщина. Люблю прокатиться – то с одним, то с другим.

Я увидел припаркованный поблизости грузовик продуктовой фирмы «Альбертсон». Им не разрешалось подсаживать попутчиков. Вот почему водитель высадил ее перед весовым контролем.

Я сказал:

– погоди минутку.

Я вылез из-под машины и спросил, куда ей надо на самом деле. Я вступал в такие беседы сотни раз.

Она ответила:

– В Феникс.

– У тебя там кто-то есть?

– Нет. Просто кажется, это неплохое местечко.

Я стащил с себя грязный комбинезон. Был разгар дня, и солнце пекло, как горелка сварщика в этой чертовой пустыне. Она помахала шоферу «Альбертсона» на прощание и забралась ко мне в кабину. Я подумал: *Боже, это та самая.*

Она сказала, что ее зовут Клаудиа. Она выглядела опрятной, но при ней не было никакого багажа – плохой знак. Это

означало, что она может быть бездомной, бродягой, живущей за счет дальнобойщиков. Или наркоманкой в поисках дозы.

Она откинулась на спинку сиденья и закурила, а я пошел в кафе купить нам на дорогу холодного чая. Мы поехали на восток, к пункту контроля веса в Бэннинге, а оттуда в «Бернс Бразерс» в Коучелле. После ланча мы прошлись по магазину, и мне показалось, она рассчитывает, что я куплю ей одежду. Я пообещал, что мы приоденем ее в торговом центре в Фениксе, и мы вернулись в мой грузовик, где залезли в спальное отделение с кондиционером.

Я поцеловал ее, но она не ответила на поцелуй. Она сказала:

– Если хочешь секса, спроси, и я назову тебе цену.

Я ответил:

– Я не плачу за секс.

Я попытался поцеловать ее еще раз, но она крепко сжала губы. Я начал стаскивать с нее одежду. Когда она оказалась голой, я тоже разделся и залез на нее. Я силой раздвинул ей ноги и вошел в нее. Это было так приятно, что я быстро кончил.

Мне не хотелось останавливаться на этом, и я подождал, пока у меня снова встанет. Я думал: *Эта сучка моя. Я могу сделать с ней что пожелаю.*

Мы еще занимались сексом, и она делала вид, что ей нравится. Я знал, о чем она думает. Если она убедит меня, что

мы с ней друзья, я не причиню ей вреда. Я поддерживал ее игру.

Мы притормозили на следующей остановке, поели и приняли душ. Я не понимал, почему она просто не уйдет, но когда я купил ей сигареты, стало ясно, что ей нужно. Она попросила у меня «чуток дури», а когда я сказал, что не имею дела с наркотиками, сильно разволновалась. Она схватила микрофон моей радиации и спросила весь чертов эфир, нет ли у кого дури.

Я вырвал микрофон у нее из рук и сказал, что в моем грузовике никакой дури не будет и пусть она держится подальше от моей радиации. Я прикрикнул на нее:

– Ну-ка успокойся! С голоду со мной ты точно не умрешь. Я о тебе позабочусь, но – никакой наркоты. Даже думать забудь.

Она сказала:

– Тогда как насчет денег на расходы?

Она взяла у меня двадцатидолларовую купюру и закричала:

– Это все?

Она стала говорить, что занималась со мной сексом, а это стоит гораздо больше двадцати долларов. Я напомнил ей, что не плачу за секс.

Она сказала:

– Я видела деньги у тебя в кошельке. Давай их мне, или я натравлю на тебя копов.

Я спросил:

– За что?

Она ответила:

– Давай деньги, и я уйду. Никаких вопросов. Или я нажалуюсь вон тому охраннику, что ты меня изнасиловал.

У меня чуть ноги не подкосились. Я спросил:

– Ты что, *сумасшедшая*?

Она сказала:

– Так что ты выбираешь? Деньги или тюрьма?

Я протянул руку и запер дверцу. Я сказал:

– Ни то ни другое, сука.

Я вытащил из-под подушки моток скотча и связал ей руки спереди. Потом связал еще и щиколотки.

Я выглянул на парковку и увидел, что там пусто. Я сжал ее шею рукой, как сделал с Таньей, и она вырубилась. Все произошло очень быстро.

Я еще решал, что с ней делать, когда она опять открыла рот и сказала:

– Что за дерьмо! Ты не можешь меня убить!

Я примотал ее руки к поручню, чтобы она не свалилась с кровати. А сам оделся и сказал ей заткнуться. Теперь, собираясь совершить второе убийство, я понимал, что однажды встречу с дьяволом и, если собираюсь произвести на него впечатление, должен справиться с убийством получше. Морально мне тоже было легче, потому что Бог тут был ни при чем. Не было ни добра, ни зла. Остались только я и дья-

вол, делавший свою работу. Теперь я мог сосредоточиться на убийстве.

Я снова трахал ее в спальном отделении, когда услышал, как две машины подъехали и притормозили в тени моей фуры. Копы! Один был из К-9, и при нем была собака. Они использовали мою тень, чтобы не оставлять пса на солнце, пока сами пошли обедать.

Я решил, что легко отделался, и вырулил обратно на I-10. Когда мы добрались до Индио, она сумела освободиться от скотча и пыталась одеться. Я отдернул занавеску – она была готова вырваться и бежать. Ждала только, когда я остановлюсь.

Я подвел моего фиолетового «Пита» к большой площадке, засыпанной гравием, и поставил на стояночный тормоз. Стащил ее вниз, снова замотал скотчем – на этот раз крепко. Она все время повторяла: «Я устала от этого дерьма, я устала от этого дерьма». А кто не устал?

На следующей остановке я трахал ее, пока не выбился из сил. Это было великолепно – полное удовлетворение! *Я тут хозяин, сука! Ты полностью моя!*

Я начал забавляться с ней, как с игрушкой. Придушил ее, подождал, пока она очнется, придушил снова и снова дал прийти в себя. Именно так мне следовало тогда позабавиться с Таньей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.